

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Золотой щит одного из древних племен отражал удары врагов, и его обладатель был непобедим. Но со временем он терял свою магическую силу, и для ее восстановления требовалась жертва...

Алина ЕГОРОВА

Дар богов

Артефакт & Детектив

Алина Егорова

Дар богов

«ЭКСМО»

2012

Егорова А.

Дар богов / А. Егорова — «Эксмо», 2012 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-59099-5

Эта картина ничем не выделялась в ряду других пейзажей, но Зинаида смотрела на нее, словно на «Джоконду». Это же то самое место, которое ее отец безуспешно искал всю свою жизнь! Поиски закончились трагически – отца убили, а все записи, которые он вел, бесследно исчезли... И, оказывается, он был прав: золотой щит древнего племени действительно существует! По легенде, он отражал удары врагов, и его обладатель был непобедим. Но со временем щит терял свою магическую силу, и для ее восстановления требовалась жертва – прекрасная молодая девушка... И художнику удалось найти щит! Как и много веков назад, он прикован к скале над рекой и по-прежнему ждет жертвы...

ISBN 978-5-699-59099-5

© Егорова А., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

16 мая. Прибалтика	5
13 мая. Санкт-Петербург	7
14 мая. Санкт-Петербург	11
14 мая. Санкт-Петербург	15
15 мая. Санкт-Петербург	19
20 мая. Санкт-Петербург	21
Гируляй. Перед выставкой	26
80-е годы. Прибалтика	28
В былые века	33
20 мая. Санкт-Петербург	37
Зина. 80-е годы. Прибалтика	38
20 мая. Санкт-Петербург	42
Начало апреля. Санкт-Петербург	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Алина Егорова

Дар богов

16 мая. Прибалтика

Низкие альпийские сосенки с причудливо изогнутыми стволами, как будто вцепившиеся корнями в песок и друг в друга, пьянящий чистый воздух с запахом смолы и ароматами моря, сыпучий песок, проникающий даже в высокие берцы. Песок повсюду: на море, на асфальтированных дорожках Гируляя и здесь, в лесу, перемешанный с тонким слоем земли. На побережье при сильном ветре он поднимается высокой волной, и если вовремя не зажмурить глаза, то придется потом долго их прочищать. Песок во рту стал привычным, в волосах и на одежде песок воспринимался как должное.

Он в пятый раз прошелся туда и обратно по высокому берегу безымянной реки. Где это место, он понять не мог. Вроде все вокруг похоже на пейзаж с картины, и в то же время – нет. Если художник не обманул, оно должно быть где-то рядом.

Место это глухое, несмотря на относительную близость к шоссе; чтобы к нему выйти, нужно дойти до моря и там по песчаной мели перейти реку. Добираться сюда сквозь дебри танцующего леса неудобно, поэтому никто здесь не бродит. Вдобавок оно пользуется дурной славой. Около этой реки не раз появлялись заборы, разворачивались стройки – и вскоре прекращались. Когда-то здесь хотели устроить заповедник, но эта идея не воплотилась в жизнь. В лихие девяностые землю передали в частную собственность, а позже сменившиеся чиновники обнаружили нарушения в оформлении сделки. Так и осталась земля ничьей – то ли частной, то ли государственной.

Он изрядно устал, ноги гудели, хотелось есть и курить, а сигареты закончились. Начинала болеть голова. Она всегда у него болела от переутомления или от смены погоды, или когда он напряженно думал – да от многих вещей! Голова его реже не болела. Дело шло к закату, солнце еще висело высоко, но вот-вот собиралось скрыться. Темнеет в этих краях быстро: сначала небо окрашивается в теплые тона, и кажется, что таким оно пробудет долго. Но солнце стремительно подходит к горизонту и на глазах тонет в море, погружая побережье во тьму. Поэтому, чтобы не блуждать потом в потемках, стоило поторопиться.

Он посмотрел вниз, ища глазами, где бы спуститься, чтобы перейти на другой берег. Нашел, как ему показалось, подходящий для спуска склон. Держась за ветки деревьев, он, как муха по стене, осторожно пополз вниз. Чертыхаясь, ступил на каменистое дно реки, где вода едва доставала до щиколоток. Он двинулся вперед, морщась от холода. По мере приближения к середине реки одежда намокала все выше и выше, неприятно прилипая к телу. Ноги скользили по заросшим илом камням, обнаружилось довольно-таки сильное подводное течение, сносившее в сторону. В какой-то момент он не удержался и упал, вмиг промокнув полностью. В воде было холодно, а когда он поднялся на поверхность, стало еще холоднее. Солнце уже совсем не грело, ветер, обдувавший мокрое тело, казался ледяным. Он уже трижды проклял себя за лень – нужно было идти в обход, а не соваться в воду. В очередной раз поскользнувшись, он огляделся по сторонам и замер: на том берегу, с которого он спустился, на отвесной скале, под водой, нечто блеснуло золотым блеском. Неужели он наконец нашел то, что искал? Большой щит из золота, с идолом в виде солнца на нем! У него захватило дух, забыв о всякой предосторожности, он развернулся и направился к скале. Не дойдя трех метров до золотого солнца, он остановился как вкопанный. Какая-то невидимая сила не давала ему двигаться вперед. Идол смотрел на него с укором. Внезапно в нем проснулся язычник. Он буквально почувствовал священность земли, на которой стоял. Если верить записям чудака-ученого, здесь небо ближе

к земле и сюда спускаются боги, чтобы умыться. Выходило, что он вторгся в своих грубых армейских ботах на их территорию, за что неминуемо последует расплата. А еще в записях ученого значилось, что, если взглянуть в глаза Золотому Солнцу, можно увидеть свое будущее. Направляясь сюда, он в легенды не верил, его интересовал только огромный кусок драгоценного металла и клад куршей, который они пожертвовали своим языческим богам. Но сейчас, когда он стоял перед идолом, ему сделалось не по себе, и он был готов поверить в существование самого Сатаны, а не только в языческих богов. Свое будущее он знать не хотел – боялся, но все равно уставился в золотые глазищи идола.

В голове у него помутилось, боль усилилась до треска в висках. Перед глазами все поплыло, сознание погрузилось в густой туман. В этом тумане, оказавшись как будто бы где-то наверху, он увидел чье-то тело, лежащее под простыней на металлическом столе в комнате со стенами из белого кафеля. Лицо опухшее, позеленевшее, как у утопленника, правая рука обожжена, на левой – вытатуированный паук. «Как у меня», – подумал он и испугался – это же его татуировка, он ее сам себе сделал! А значит, там, на металлическом столе, в окружении пугающего белого кафеля, лежит он сам.

Страшная картина сменилась другой. Теперь это был какой-то кабинет, за столом – двое: мужчина в полицейской форме и рыжеволосая женщина. Полицейский достает фотографию из его паспорта, где он моложе лет на десять. Женщина, взглянув на фото, бледнеет, нервно дернув губами, – она его узнала. Он узнал ее тоже, но только кто она и где он ее видел, вспомнить не смог.

13 мая. Санкт-Петербург

– Не было печали, купила баба поросю, – сказала Дьячкова и замолчала. Она говорила мало, делая большие паузы между скупыми фразами, и от этого ее слова мимо ушей не пропускались, каждое было на вес золота. Нарочно ли она это делала или нет, понять было сложно, но факт оставался фактом – дама заставляла к себе прислушиваться.

Капитан полиции Антон Юрасов, оказавшийся в квартире у Дьячковой по долгу службы, смотрел на нее и не понимал – шутит она или нет? Хотя шутить в подобной ситуации станет разве что закостенелый циник. Ситуация-то никак не располагала к веселью, напротив, если она не призывала к проявлению скорби, то требовала хотя бы серьезного настроения и соответствующего выражения лица. На лице у хозяйки квартиры, Кларисы Владимировны Дьячковой, отразилась смесь негодования и усталости.

Вроде интеллигентная женщина, биолог НИИ, а не Дуся с водокачки, подумал Антон, глядя в ее строгие, покрасневшие от длительного ношения очков глаза, а деликатности в ней – как у сапожника. Дьячкова смотрела на него прямым, немигающим взглядом гремучей змеи. Казалось, еще немного – и она нанесет укус нарушителям своего покоя – членам оперативной группы, вот уже который час топтавшимся в ее квартире и еще неизвестно, сколько времени собирающихся в ней пробыть. Вид женщины имел не презентабельный: сухопарая, лет тридцати шести, с плохо покрашенными темно-русскими волосами, в ушах скромные серебряные сережки, из косметики – остатки перламутровой губной помады и осыпавшаяся тушь на редких ресничках. Одетая в темно-коричневую юбку-«карандаш», кремовую блузку, на острых плечах – серая заношенная кофтенка, на ногах – простецкие клетчатые тапки и плотные капроновые колготки, скрывавшие ее выпуклые вены.

Обстановка в квартире свидетельствовала о невысоком достатке и предельной бережливости хозяйки: старенькая мебель в сшитых из лоскутков чехлах; выгоревшие на солнце занавески; обои с корабликами из далеких восьмидесятых, какие нынче и не продаются; вышедшая из моды лет тридцать тому назад люстра с пластиковыми висюльками; никогда не видевшая цветов – в силу тяжелого характера Дьячковой – огромная металлическая ваза и неизменное украшение всех бабушкиных квартир – хрусталь за стеклянными дверцами серванта. На кухне, где они беседовали, имелись стандартный шкаф-пенал из бледно-желтого пластика, квадратный стол в тон бежевым, давно не крашенным стенам и два жестких табурета. Спальня с мрачными плотными шторами, узкой кроватью и громоздким комодом, заставленным кактусами и пробирками, наводила тоску.

– Предупреждала я его: нельзя такие даты отмечать, а он что? – выдала очередную порцию слов Клариса Владимировна.

– Что? – спросил Антон.

– Только отшучивался. Говорил, все это предрассудки, сорокалетие – такой же юбилей, как и все остальные. Много он понимал! Они там, в своей Прибалтике, совсем забыли, откуда вышли, – Евросоюзом себя возомнили, без роду без племени. А народные приметы – это не просто так, они за много веков сложились! А он на них чихать хотел. Вот и дочихался. В народе не зря считается, что празднование сорокалетия равносильно встрече с собственной смертью. Как видите, результат налицо. И она театралью указала в сторону гостиной, где лежал труп Альберта Малуниса.

Капитан Юрасов в приметы не верил, но собственный сороковник, который уже замаячил на горизонте, отмечать не собирался. Ребята из отдела, конечно, на застолье его раскрутят, от них никуда не денешься, но так широко, как принято праздновать юбилей, он ничего устраивать не станет. И не потому, что боится, – привык уже за годы службы ко всякому, и

чему быть, того не миновать, – просто он не любит свои дни рождения, и с каждым годом эта нелюбовь лишь усиливается.

– Клариса Владимировна, еще раз расскажите, пожалуйста, как прошел сегодняшний день, – попросил Юрасов.

– Уже вчерашний, – пробурчала она, выразительно посмотрев на часы. Обреченно вздохнула и, как пономарь, повторила свой рассказ. – Я, как обычно, ушла на работу в девять. Когда уходила, Альберт только проснулся. Перекинулись парой слов, вроде «доброго утра» и «удачного дня». На работе день прошел как всегда, ничего такого не случилось. Дорога назад, правда, выдалась как проклятая – автобуса я ждала очень долго, а когда он наконец пришел, в него было не войти – столько народу на остановке собралось. Он еще на мосту встал из-за аварии. Полтора часа с работы добиралась, и все на ногах, никто места нигде не уступил! Устала, как собака, думаю, скорей бы в душ, ужин на скорую руку собрать – и в кровать, ноги вытянуть. Поднялась на свой этаж, а тут... В общем, никакого отдыха. Дверь была захлопнута, а не заперта. Я Альберту ключи оставила, говорила, чтобы на все замки закрывался. Но, может, он с непривычки не запер. Хотя в другие разы всегда на два замка запирал, даже когда в магазин выходил. Ну, думаю, ничего страшного – забыл человек, бывает. Да и красть у меня нечего. Это уж я после того как пять лет тому назад квартиру мою обчистили, перестраховываться стала. Мерзко это, когда чужие в твоих вещах копаются, – на лице Дьячковой отразилось брезгливое выражение. Она замолчала, о чем-то задумавшись, потом продолжила: – Зашла в квартиру, сумку на тумбочку в прихожей положила, разуваться стала, и сразу меня как током дернуло – почувствовала неладное. В прихожей натоптано было. Очень неприятное, знаете ли, зрелище! Я вообще не люблю грязь, – она бросила укоризненный взгляд на кроссовки Юрасова, но от замечаний воздержалась. – Альберт – он аккуратный был. Обувь всегда снимал, и, если бы напачкал, убрал бы за собой. Он же и чашки грязной никогда не оставлял, и за мной посуду мог вымыть. А тут – следы на полу. Нет, думаю, тут что-то не так! Я осторожно в гостиную прошла, дверь открыла, а там он на полу лежит – с окровавленной головой, а рядом – разбитая бутылка. Подошла, конечно, в лицо заглянула. «Скорую» вызывать бесполезно было – я как-никак отчасти медик, но тут и медиком быть не надо, чтобы сразу понять, что он мертвый. Сразу в полицию позвонила. Ну а дальше вы приехали. Вот уже первый час ночи, а вы все еще здесь! – добавила она с беспардонной прямолинейностью.

– Мы здесь не по своей прихоти, – сурово заметил Антон.

– Да знаю я, – поморщилась Клариса Владимировна, потирая усталые глаза. Ей хотелось переодеться, принять душ, лечь спать, в конце концов, но присутствие посторонних рушило все планы. И с этим приходилось мириться.

Большие, с рисунком в виде морских звезд следы от мужских ботинок следственная группа заметила сразу, как только прибыла на место. Эксперт уже с ними поработал. Погибший такой обуви не носил, и по всему выходило, что наследил гость, который побывал в квартире сегодня. На осколках бутылки из-под коньяка, которой был убит художник, остались смазанные отпечатки пальцев, и они принадлежали не Малунису.

– Клариса Владимировна, у вас в доме коньяк был? – задал очередной вопрос Антон.

– Нет, конечно! Зачем я его буду держать? Я сроду спиртное на дух не переносу, – фыркнула женщина.

– А бутылка, которой вашему гостю расшибли голову, откуда взялась? Ее Альберт принес?

– Вот чего не знаю, того не знаю. Может, и он. Только не алкаш он, я их за версту чую – муж мой бывший любил за воротник залить. При мне Альберт не пил, даже на свой день рождения, который у него в четверг был, капли в рот не взял. Меня в кафе пригласил, только я идти не хотела. Тоже мне, мадам нашел, по кафе разгуливать и деньги тратить! Да и одеваться

для этого надо было, прическу делать, а я – после работы. Какое кафе? А он говорит, пойдёмте, Клариса, разделите мой невеселый юбилей, быть может, последний.

– Что, так и сказал, – последний?

– Да, так и сказал. А я ему: сплюньте, иначе накличете. Ну, разве же такое можно говорить? Мало того что он сорок лет отмечать вздумал, так еще и сам себе срок укорачивает. Вот и доотмечался, доукорачивал!

Юрасов промолчал, чтобы избежать дискуссии на умозрительную тему – о суевериях. Он был отнюдь не склонен считать причиной смерти мужчины празднование «дьявольского» юбилея. Достаточно много имеется на свете людей, ныне здравствующих, которые в свое время отметили собственное сорокалетие, да еще и с размахом.

– Хотите чаю? – запоздало предложила хозяйка, скорее из вежливости, нежели из желания напоить чаем представителя власти.

– Не откажемся, – отозвался оперативник Костров, которого никто не спрашивал, поскольку он все это время помогал следователю, работавшему в гостинице, а теперь заглянул в кухню, где Антон беседовал с Кларисой. Михаил Костров устал не меньше Юрасова, но, в отличие от своего коллеги, который уже набрал в легкие воздуха, чтобы произнести дежурное: «Нет, спасибо», предпочитал от предложений подкрепиться едой не отказываться.

За чаем разговор пошел живее. После насыщенного трудового дня, когда от ужина остались лишь смутные воспоминания, даже паршивый чай из пакетов с пресными галетами пошел на ура. Миша уплетал за обе щеки и слушал, Антон продолжал задавать вопросы, Дьячкова – понуро на них отвечать.

– Итак, вам позвонила приятельница и попросила приютить ее знакомого.

– Да, мне позвонила Зинаида. Видимся мы с ней редко – нас разделяют километры, да и общих дел давно нет, но Зина умеет сохранять связи. Она мне позвонила и сказала, что Альберт едет на выставку, и спросила, могу ли я его приютить.

– Почему он в гостинице не остановился? Сейчас же с этим проблем нет.

– В гостинице дорого. Он же не миллионер, чтобы деньгами сорить. Опять же, в квартире спокойнее, картины есть где хранить. А в гостинице – проходной двор. Там вещи не оставить без присмотра – горничные беспрепятственно в номера входят. Я не говорю, что все горничные в чужих вещах копаются, но и одной вполне хватит, чтобы поездку испортить. Было со мной такое десять лет назад, я в Калугу на семинар ездила... – Дьячкова снова замолчала.

Как догадался Юрасов, мысли унесли ее на калужский семинар, и он порадовался, что женщина не имеет манеры озвучивать не относящиеся к делу воспоминания.

– Денег с Альберта я брать не стала, хоть он пытался мне их всучить. Неудобно ему было без денег. А чего мне деньги с него брать – я не ростовщица какая-то, чтобы человека обдирать, к тому же Зина за него попросила. Альберт тогда стал продукты закупать. Здесь я не возражала: прокормить его на свою зарплату я не могла. И неправильно это, когда женщина мужчину содержит. Покупал он продуктов много. Говорила ему: зачем столько? Готовить мне некогда, я в институте до вечера пропадаю и не умею я готовить – разучилась. Когда одна живешь, ни к чему это. Даже бутерброды не делаю – сыр ем отдельно, хлеб отдельно.

Антон понимающе кивнул – судя по чаю и галетам, кулинария не являлась сильной стороной Дьячковой.

– Неудобно ему было задарма жить, – пробормотала Клариса Владимировна. – Да что я все про деньги? Человек погиб! Хоть и знала я его всего-то неполных семь дней, но все-таки...

– Когда он к вам приехал? Вы говорите, семь дней. Значит, во вторник?

– Во вторник, утренним поездом. Мне как раз на работу надо было идти, я чуть задержалась, чтобы его дождаться. Он быстро подоспел, я на работу почти и не опоздала.

– У вас что-нибудь пропало?

– Да чему тут пропадать? Хрусталь материн на месте, – она кивнула в сторону старой стенки – мечте восьмидесятых, с хрустальной посудой на стеклянных полочках. – Денег не было, золота тоже. Обручальное кольцо еще в прошлый раз унесли, когда пять лет тому назад квартиру обокрали. Ваши искали – не нашли. Да недорого оно мне было – кольцо это. Каков был муж, такова о нем и память. А все равно же хранила – не выбрасывать ведь? Кроме кольца, тогда старый телевизор уволокли и пару тряпок: плащ югославский, сносу ему не было, да жакет из вельвета. Не столько жалко, сколько противно. Это же какая-то сволочь здесь топталась и все лапала! Так и хочется поскорее квартиру вымыть, продезинфицировать все.

– А еще – освятить, – подсказал Костров.

– Да. И освятить! – не заметила сарказма хозяйка. – Многие так делают, и, вы знаете, помогает.

– Что же вы раньше по па не пригласили? Глядишь, и нам было бы меньше работы, – не унимался Михаил.

– Да кто же знал, что так получится?! Думала, два раза в одну воронку... а тут вон как вышло, – устало всплеснула руками Клариса Владимировна. Ей вдруг стало безразлично, что происходит в ее квартире. Пусть по ней разгуливают чужие люди, топчутся по ковровой дорожке, трогают вещи, без конца задают одни и те же вопросы – ей уже все равно. Как гранитная плита, навалилась на нее тяжелая усталость, и до того все ей осточертело, что женщина теперь мечтала лишь о том, чтобы все скорее закончилось.

14 мая. Санкт-Петербург

Илья Сергеевич Тихомиров сидел в своем кабинете и допивал утренний кофе, настраиваясь на работу. День ему предстоял непростой и, возможно, не сплошь приятный, поэтому чашка капучино с медом и каплей ирландского ликера авансом его скрашивала. К капучино следователь припас бутерброды с твердым сыром цвета спелой луны, душистым укропом и свежим огурчиком. Свой завтрак Илья Сергеевич разложил на красивой оранжевой тарелке, в блюдце под чашку положил цветастую салфетку – чтобы промокнуть кофе, если он вдруг прольется, что случалось крайне редко, ибо следователь был аккуратистом, но больше – для настроения.

Дело Альберта Малуниса, которое получил Илья Сергеевич, пришлось для него весьма некстати. Он почти закончил с двумя другими находившимися у него в производстве делами и через две недели собирался в отпуск, в Хорватию. Следователь часто просматривал фотографии отелей, предвкушая отдых на Адриатике. Пальмы, волны с белыми барашками, лимонное солнце в пронзительно-синем небе, чайки, большие яркие цветы... Буйные краски юга манили и обещали долгожданный сказочно-роскошный отдых. Илья Сергеевич закрывал глаза и чувствовал дуновение ветра, ароматы цветов, слышал крик чаек. Они с женой будут со вкусом завтракать на террасе. Это будет омлет с беконом, сыр, мед или абрикосовое варенье, кофе со сливками. К такому завтраку кофе должен быть непременно со сливками. Илья Сергеевич мечтательно улыбнулся. Он включил чайник и подошел к маленькому холодильнику, замаскированному под секцию шкафа, открыл его, окинул взглядом содержимое. Омлета с беконом там, конечно, не нашлось, но аппетитный сыр и сливки были. Насыпал в свою любимую эстетскую чашку из костяного фарфора кофе, маленькой серебряной ложечкой положил сахарку, залил кипятком, добавил сливок. Откусил кусочек сыра. Тихомиров предпочитал сыр и колбасу есть без хлеба, чтобы отчетливее чувствовать их вкус. Блаженно отпил глоток кофе. Почти как в отпуске.

После завтрака они с женой пойдут на пляж. Он будет плавать и загорать, а Татьяна – больше загорать, прячась под зонтиком. И так им будет хорошо вдвоем! Господи, как же мало времени они с женой проводят вместе! Все работа, работа, работа... А потом – быт, хлопоты: в магазин сходить, машину-старушку подлатать, да мало ли что! Домой придешь, поужинаешь – и спать. Даже на выходных работать приходится. А куда деваться, если следователей не хватает? И Татьяна всегда занята: работа, домашние дела, ребенок. Крутится целыми днями, как белка в колесе, и устает, бедняжка, но не жалуется, только иногда, когда совсем забегается, просит, чтобы он за дочкой приглядел, позволил ей немного отдохнуть. Так вся жизнь и проходит. А ведь он еще не старый – ему всего-то тридцать шесть лет, а что его по имени-отчеству зовут, так это потому, что так полагается, чай, он – процессуальное лицо, а не черт в ступе. И жену свою Татьяну он любит, она у него красавица: кровь с молоком, коса – золотом и нос в веснушках. Тихомиров представил, как вечером на набережной они с женой будут любоваться закатом; ветер будет играть ее распущенными по круглым плечам волосами, нахально норовя забраться под шелк длинной юбки. Он обнимет ее и неторопливо поцелует в малиновые губы. Они будут целоваться, как подростки, ничуть не стесняясь окружающих, и, распалившись, отправятся в номер, чтобы провести незабываемую ночь.

Кофе еще плескался в чашке с профилем Ахматовой, на блюдце остался недоеденный кусочек сыра, когда в дверь постучали. Илья Сергеевич очень не любил, чтобы его тревожили, когда он ест, но почему-то всегда посетители появлялись именно в это время. Он тогда отодвигал тарелку, недовольно глядя на визитера. Чаще всего во время трапезы заявлялись опера. Им всегда было некогда, и поэтому плевать они хотели на ворчание Тихомирова – поворчит и перестанет. Знают, что он не злобный, и этим пользуются.

Илья Сергеевич сделал последний большой глоток и произнес: «Входите». Но вместо оперативного работника на пороге, стесняясь и переминаясь с ноги на ногу, появилась Клариса Дьячкова. В серой кофточке и все в той же юбке-«карандаше», с гладко зачесанными волосами, она нервно теребила потрескавшуюся ручку громоздкой сумки.

– Извините, – произнесла женщина. – Вы меня вызвали на полвторого, но у меня работа... Я подумала... если вы не возражаете, мне было бы удобнее прийти сейчас.

Следователь заглянул в открытый ежедневник. Действительно, он пригласил на сегодня Дьячкову. Правда, сначала он рассчитывал получить от оперов по ней кое-какие данные, так и беседовать сподручнее. Но раз уж пришла, не выгонять же.

– Проходите, – указал он на стул.

Клариса Владимировна уселась и уставилась на Тихомирова своим немигающим змеиным взглядом. Они уже беседовали в ее квартире в день убийства. Тогда разговор получился поверхностным, на ногах и в спешке. Теперь следователю предстояло допросить свидетельницу детально. Он начал издали, затем задал ей те же вопросы, которые уже не раз задавал и он сам, и оперативники. Дьячкова смиренно повторяла ответы, немного путаясь и сбиваясь от волнения. Понемногу женщина успокоилась, манеру выдавать фразы по одной оставила и говорила в терпимом темпе. Как догадался Тихомиров – из-за того, что она торопилась на работу.

– Малунис к вам приехал во вторник, а в понедельник его убили. Вспомните, что-нибудь необычное происходило в течение той недели, что он у вас жил?

– Да вроде бы ничего. Если только в субботу... Да, в субботу я должна была к крестнику в больницу заехать. Он в Боткинской с отравлением лежит. А потом еще за тканью зайти собиралась. Недалеко от больницы есть большой магазин тканей. Обычно на такую поездку у меня полдня уходит, не меньше. Альберту я так и сказала, когда уходила, что вернусь только к вечеру, чтобы он ужинал без меня. Он кивнул – все понял, говорит, Клариса. Он меня Кларисой называл, Кларой звать не решался и никаких фамильярностей себе не позволял – воспитанный. В тот раз в больнице карантин объявили и посетителей не пустили. Я передачу оставила, во дворе под окошками постояла немного и ушла. А что там стоять? В магазин тоже не попала – там в это время обеденный перерыв был. В общем, вернулась я раньше. Поднимаюсь по лестнице и слышу, как сверху входная дверь закрывается и потом – шаги. Ну, звук своей-то двери я всегда узнаю. Значит, думаю, ко мне кто-то приходил. Может, из службы газа, наконец-то добрались до меня? У меня газ еле поступает, огонек совсем маленький. Вызвала газовщика еще неделю назад, а он все никак дойти до меня не может – нарядов у него много. Я Альберта предупредила, если газовщик придет, чтобы он его впустил, а то неизвестно, сколько еще ждать придется. На площадке между третьим и четвертым этажом мы поравнялись. Мужчина лет тридцати трех, ростом чуть ниже среднего, спортивного телосложения, светловолосый, светлоглазый, одетый просто, но не дешево – так работяги не одеваются. Зыркнул на меня недобро и дальше полетел. Я у Альберта спросила, кто приходил. Он руками развел, говорит, покупатель, хотел картину купить «Солнце в реке». Но Альберт продавать ее наотрез отказался. Сказал, что продаст любую другую, кроме этой. Я еще удивилась, что покупатели на дом ходят – не успел приехать, а уже мой адрес всем подряд раздает! Вслух я сказала иначе, но смысл был такой. Альберт смутился, ответил, что сам не ждал гостя и что он моего адреса никому не давал, разве что в оргкомитете выставки его назвал, потому что у них так положено.

– А что это за картина – «Солнце в реке»? И почему Альберт ее не захотел продавать?

– Картина как картина, – пожал плечами Дьячкова. – Река, солнце... да обычная картина! А почему не захотел продавать – не знаю. Может, нравилась она ему, а может, за нее уже кто-то залог внес.

Разговор с Дьячковой давал пищу для размышлений. Стоило разобраться, во-первых, с визитером, заходившим к Малунису в субботу, а во-вторых, с картиной «Солнце в реке»: в квартире Дьячковой оперативная группа ничего подобного не обнаружила.

* * *

Антон Юрасов явился к Тихомирову как раз после ухода Дьячковой, он буквально столкнулся с ней в коридоре, возле кабинета следователя. Клариса Владимировна ужалила Антона взглядом и поспешила прочь. Оперативник хмыкнул, оценив ее сердитое лицо вкупе с образом, который принято называть «синий чулок».

– Здорово, Сергеич, – поприветствовал он Тихомирова. – Чего плохого?

Это был обычный вопрос капитана. Они со следователем знали друг друга давно, были почти ровесниками, что позволяло им общаться на короткой ноге.

– Как обычно. Вопросов больше, чем ответов. А у тебя что?

– Дьячкова эта – типичная ученая гримза. Не привлекалась, в связях не замечена. И вообще, скучная, как перловка. О ней даже сплетни не ходят! С мужем-алкоголиком давным-давно развелась. Детьми не обзавелась, так до сих пор и кукует одна. Ни любовника, ни кота, одни микробы в пробирках да кактусы на подоконнике. С Малунисом – хуже. Он – подданный другого государства, поэтому ни до его родни не достучаться сквозь километры и стены границ, ни в прошлом покопаться, – развел руками Антон.

– Этого и следовало ожидать. По иностранцам работать – хуже некуда. Слава богу, что покойник был простым художником, а не дипломатом, иначе мы хлопот не обообрались бы.

Тихомиров бросил печальный взгляд на монитор компьютера с заставкой в виде Адриатического побережья. Чутье ему подсказывало, что в отпуск он пойдет не скоро.

– Дьячкова мне вот что рассказала, – следователь открыл протокол и вкратце пересказал сегодняшнюю беседу с Кларисой Владимировной.

– А это уже кое-что, – оживился Юрасов. – Когда я к Дьячковой приезжал, искал, куда машину поставить. На ее улице – Большой Зеленина – с парковками беда. Так вот, прямо перед аркой, что во двор дома Дьячковой ведет, расположен банк. Я под арку въехал, хотел там приткнуться, но шиш – банкиры для своих автомобилей место оттяпали и шлагбаум установили, так что там не только машину не оставить, но и не пройти теперь. Жильцы напрямки через стоянку чешут, обходить ее не желают. На наше счастье, парковка находится под видеонаблюдением. Так что есть вероятность обнаружить физиономию нашего блондина в видеоархиве службы безопасности банка.

– Только к дому Дьячковой можно подойти еще и с Корпусной улицы, – заметил Тихомиров.

– Можно, но так путь длиннее, – возразил Антон. Перед его глазами предстала галерея дворов-колодцев, тянущаяся от Большой Зеленина к Корпусной. Старые дома бордового цвета с непривычными взгляду лифтами на фасаде, которым не хватило места внутри дома, огромные коммунальные квартиры с коридорными окнами, из которых можно увидеть часть лестничной площадки. Что и говорить, Петроградская сторона – старейший район города.

– Вот и чудненько! Берите с Костровым в оборот службу безопасности банка и работайте, – улыбнулся следователь. В его душу снова заглянуло ласковое солнце Адриатики. Авось с делом ему удастся быстро расправиться, и тогда они с Татьяной поедут в отпуск, как и планировали.

* * *

Юрасов оказался прав. Система видеонаблюдения банка фиксировала всех, кто ходил через парковку.

– Выделили же им дорожку, плиткой фигурной выложили, – не дорожка, а конфетка, сам бы всю жизнь по ней ходил, а они всё через парковку шлындают. Лишних два шага не сделать! –

ругался на жителей близлежащих домов начальник охраны. – И еще имущество портят! Третий шлагбаум за полгода сменили, а они и этот, – он пнул ногой гнутую перекладину, оставив на ней след от кроссовки, – уже погнули, собаки!

За интересовавшие сыщиков последние три дня в архиве охраны скопилось достаточное количество информации. Народ ходил исключительно через парковку, и видеорегиистратор, запрограммированный на движение, фиксировал всех ходяков, поэтому полицейским пришлось хорошо потрудиться, чтобы отыскать среди множества лиц подходящих под описание, данное Дьячковой, мужчин. Таковых оказалось трое: все – невысокие, спортивные и светловолосые.

– Вот этот, – уверенно показала на одного из них Клариса Владимировна, когда ей предъявили для опознания несколько снимков, сделанных с помощью видеокамер банка.

К счастью, банк не поспешил на качественную технику. Кадр максимально увеличили, и стали хорошо различимы черты его лица. Выразительные, глубоко посаженные глаза под широкими крыльями светлых бровей, острый нос, крупные губы с чуть приподнятыми вверх уголками – внешность приятная, располагающая к себе. Одежда обычная – джинсы, свитер и куртка, ничего приметного. Судя по записям, он зашел во двор на улице Большой Зеленина в субботу, в шестнадцать ноль семь, вышел в шестнадцать тридцать четыре, а Дьячкова, которая тоже попала в объектив камеры, вернулась домой в шестнадцать двадцать восемь, что подтверждало ее слова. Парковка банка была их сыщицкой удачей. Кроме записей, сделанных в субботу, они, конечно же, просмотрели и все остальные, особенно тщательно – записи за понедельник, когда был убит Альберт. Этот интересный блондин побывал здесь и в день убийства художника.

14 мая. Санкт-Петербург

Если незнакомец, приходивший к Альберту, получил его адрес на выставке, то и искать его следы следовало там же. Это нехитрое умозаключение привело Михаила Кострова в манеж, где всю подготовку к выставке произведений современного изобразительного искусства.

Миша Костров к изобразительному искусству относился спокойно, а точнее, равнодушно. Рисовать он не умел, верхом его мастерства в этой области был нарисованный в третьем классе медведь, которого почему-то все приняли за мышь. Несмотря на то что Михаил вырос в культурной столице, ни музеи, ни вернисажи, ни любые другие «духовные» места он не посещал. Разве что любил сходить посмотреть хороший кинофильм или цирковое представление. Когда ему досталось задание – отправиться на выставку картин, – Костров погрузился. Лучше бы послали его в подпольное казино, на рынок, на чердак или еще в какую-нибудь дыру! Там он чувствовал себя как рыба в воде, а вот среди предметов искусства – круглым дураком себя ощущал. С обитателями притонов и ночлежек – все просто и ясно. Хоть они грубы и примитивны, но понятны, а богема, особенно люди, связанные с искусством, словно с другой планеты: произносят незнакомые слова, так что не знаешь, то ли переспросить, то ли сделать вид, что ты понимаешь, о чем идет речь. И мыслят, и ведут они себя непривычно. Например, по полчаса могут стоять около одной картины и сверлить ее взглядом. Да он за эти полчаса всю выставку вдоль и поперек пройдет! Или за какой-нибудь холст, на котором изображен вполне себе заурядный натюрморт, они готовы отдать бешеные деньги.

До открытия вернисажа оставалось меньше суток. Большая часть картин уже висела на стендах, но кое-где еще оставались пустые места. На входе Мише объяснили, что администратора надо искать в дальнем павильоне, только он сейчас очень занят. «Разберемся», – буркнул Миша и энергичным маршевым шагом направился через длинный выставочный зал. По обеим его сторонам кипела работа: сотрудники что-то передвигали с места на место, развешивали картины, сновали туда-сюда. Миша, несмотря на свое прохладное отношение к искусству, на картины все же смотрел. В основном, конечно, из любопытства. Портреты, пейзажи, абстрактные рисунки... Одни кричали буйством красок и демонстрировали неумную фантазию их творца, другие успокаивали взор своей гармонией. А вот эта – ничего, отметил про себя Миша, сбавив ход около картины с изображением корзины с клубникой. Да и эта тоже, похвалил он следующий шедевр – тарелку с пельменями. У него даже потекли слюнки и заурчало в животе. Рядом висел рисунок, символизирующий чаепитие: блестящий самовар, чашки, связка бубликов и варенье. Пожрать бы, подумал оперативник, и тут обнаружил дверь с надписью «Кафе». В следующую минуту его постигло разочарование: едва он почувствовал себя ценителем высокого искусства, как понял, что приглянувшиеся ему картины к ИЗО вовсе не относились – они всего лишь «декорировали» вход в пищеблок.

Сначала следовало покончить с делами, поэтому Костров, борясь с искушением слопать тарелку аппетитных пельменей, продолжил поиски администратора. Павильон, считавшийся дальним, вполне оправдывал свое название. Чтобы в него попасть, ему пришлось выйти на улицу и немного прошвырнуться по территории. Миша шагнул в маленькое строение, больше похожее на офис, чем на выставочный зал. По сути, дальний павильон им и являлся. Вход вел к стойке рецепции, которую украшала своей персоной нарядная барышня-секретарша.

– Где я могу найти администратора? – поинтересовался капитан, глядя в ясные очи юной девы.

– Петр Алексеевич сейчас занят, – отчеканила она привычную фразу, надеясь, что посетитель исчезнет.

Удостоверение оперативного работника заставило девушку сменить тактику:

– Петр Алексеевич отъехал. У него деловая беседа в ресторане. Может, чайку?

– Не откажусь.

Миша прикинул, что от секретарши по интересующему его вопросу можно получить информации не меньше, чем от администратора.

Миша с удовольствием плюхнулся на мягкий офисный диван с приставленным к нему журнальным столиком, который скорая на руку барышня сервировала чайной парой, печеньем «Земелак» и конфетами «Коровка».

– Мои любимые конфеты! Мое любимое печенье! И как вы угадали? – начал Костров с лести. Он и в самом деле любил тягучие молочные конфеты и посыпанное сахаром печенье, как, впрочем, и любые другие сладости.

– Ой, да это все что осталось, – засмушалась она.

– Вы этого человека видели? – предъявил он ей фото блондина, сделанное с видеозаписи.

Улыбка на лице девушки слегка исказилась – ее губы нервно дернулись, в глазах отразилось смятение.

– Вроде бы, – пробормотала она.

– Когда он здесь был?

– В субботу, часов в одиннадцать. Мы только открылись, он сразу и подошел.

– Он как-нибудь представился? И чего он хотел?

– Назвался как-то по-простому. То ли Иваном, то ли Василием. Сказал, что ищет художника, который «Солнце в реке» написал.

– Так и сказал – художника, не картину?

– Да, художника. Он даже имени его не знал. Я ответила, что выставка откроется в среду и на ней он сможет увидеть всех художников, в том числе и Малуниса. Но Иван или Василий... а может, Семен? Нет, точно – не Семен. Не могу вспомнить его имя. Так вот, этот гражданин пожелал срочно увидеть Малуниса. Мол, у него к нему дело.

– И вы дали ему адрес, где остановился художник?

– Я не хотела этого делать. Я не понимаю, как так получилось! И вообще, как он попал на территорию выставки? Ведь для посетителей она еще закрыта! Он такой обаятельный, что сопротивляться было невозможно. Так убедительно говорил, я даже не поняла, что именно, но с ним... хотелось соглашаться. А что такое, он что-нибудь натворил?

– Выясняем, – лаконично ответил Михаил.

– С виду приличный человек, и не подумаешь, что преступник. Он еще мне шоколад подарил. Фирменный, с какой-то презентации, я еще подумала – деловой человек, раз на презентациях бывает.

– Фирменный, говорите? Позвольте взглянуть.

– Так я его... съела уже.

– А обертка? Что там было написано? Вспоминайте!

– Вроде «Арт» какой-то... Ой, сейчас.

Девушка шмыгнула за свою стойку и исчезла под столом. Послышалось шуршание бумаги.

– Вот! – вытащила она из мусорного ведра смятый сине-белый фантик с надписью «Арт Гостилицын».

* * *

Закрытый клуб «Арт Гостилицын» был широко известен в узком кругу. Он принадлежал Якову Гостилицыну, весьма эпатажному молодому человеку. Детство Яша провел в поселке рядом с аэродромом Гостилицы и изначально носил самую заурядную фамилию – Петров. Но нежная, возвышенная душа Якова не могла с этим смириться. Дождавшись совершеннолетия, юноша поменял паспорт и стал Гостилицыным, после чего принялся всех убеждать, что он

имеет дворянские корни. Новоиспеченный Гостилицын так искренне это говорил, что вскоре и сам себе поверил, а когда он внезапно получил наследство от бросившего его в младенчестве отца, у Якова от осознания собственного величия и легких денег чуть не помутился рассудок. Хотя некоторое душевное расстройство все же случилось. Деньги жгли его карман и требовали немедленной траты. Потратить же их хотелось с размахом и как-нибудь экстравагантно, что Яков и сделал. Он выкупил подвал в одном из старых домов и переоборудовал его в «демонический» клуб. Демонический – потому что и сам он увлекался чертовщиной, но считал свое увлечение не дуракавалянием, как говорили окружающие, а высоким, далеко не всем понятным искусством. Посему в названии клуба появилась претенциозная приставка «Арт». По замыслу Якова, в стенах клуба должны были собираться любители магии. Каждую неделю там проводились спиритические сеансы, на которые допускались не все, а лишь личности с фиолетовой аурой. Цвет ауры определялся хозяином клуба на глазок. Также у Гостилицына проходили шабаша и гадания. Яков любил широко гульнуть и пустить людям пыль в глаза. Одно время в городе висели растяжки с его физиономией и рекламой клуба. Но растяжки оказались дорогим удовольствием, и Якову, чтобы не вылететь в трубу, пришлось от них отказаться. Но совсем уж обойтись без презентаций себя, любимого, он не мог. В связи с чем время от времени на свет появлялись листовки, буклеты и прочая печатная продукция с его именем. Гостилицын проявлял изобретательность. Например, однажды он заказал в типографии обертки для шоколада с названием клуба, в которые потом собственноручно обернул шоколад «Аленка» и небрежно разложил его на столах на одной из недавних вечеринок. Гости пришли в восторг от столь изящной рекламы и оценили нежный вкус шоколада, который, по их словам, напоминал швейцарский.

Миша Костров явился в «Арт Гостилицын» в неподобающем виде, то есть в обычной куртке и джинсах, отчего чуть был не отсеян на «фейс-контроле» охранником дядей Колей, выписанным Яковым из родного поселка – за пиво и койко-место в закутке клуба. Спасло оперативника служебное удостоверение. Он проник в полумрак подвала, прошел по узкому коридору, пропахшему какими-то терпкими травами, вызывавшими воспоминания об отдыхе в Египте, и оказался в зале с размещенными на полу, на подушках вместо стульев, эпатажно одетыми людьми. Девы с необычными прическами и ярким макияжем, одетые как на показе высокой моды – в туалеты нелепых фасонов, и мужчины, наводящие на смутные мысли о чертогах графа Дракулы. Под монотонную ритуальную музыку они что-то курили и церемонно пили вино. На появление постороннего публика отреагировала вяло, словно Миша был привидением, коих в сем клубе обычно шастает тьма-тьмуца. Привидение, однако, включило свет и тем самым нарушило общий интим. На возмущенное «Уууу!» Костров взмахнул удостоверением и, поскольку не обнаружил ни одного стула, уселся на пол, на свободную подушку.

– Меня интересует вот этот субъект, – предъявил он собравшимся в клубе гостям фото блондина. – Кто-нибудь его знает?

– Ничего так, – оценила блондина девица в шляпке с вуалью и с пластиковым пауком на тулье.

– Так себе, – не согласилась с ней другая – точная копия панночки из «Вия».

– Неа, он не из наших, – отозвался мужской голос.

– А если подумать? – настаивал Михаил.

– А что тут думать? Не из наших – значит не из наших.

– У него при себе оказался фирменный шоколад вашего клуба. Как я понимаю, в гастрономе такой не продается!

– А! Ну, это когда было! – вспомнил один из присутствующих – парень с болезненно-красными глазами, делавшими его похожим на вампира. – Такого шоколада давно уже нет. Если этот тип здесь и был, то давно.

– Надо у Яшки спросить, – подсказали Михаилу.

Яшка, Яков Гостилицын, по словам присутствующих, вот-вот должен был подойти с каким-то сюрпризом. Хозяин клуба оказался легок на помине и уже через пять минут появился с бутылками вина в обеих руках. Яков торжественно поставил их на пол, служивший одновременно и посадочным местом, и столом. На бутылках красовались нарядные этикетки с надписью «Арт Гостилицын» и портретом Яшки. На компьютере нарисовано, безошибочно определил Костров, скользнув взглядом по «сюрпризу».

– Франция, 1965 год, – пояснил Гостилицын гостям, протянув руки к бутылкам. Тут он обратил внимание на Михаила и сразу погрузился. Хоть он и не был чародеем, каковым себя считал, но чутьем обладал отменным. В данном случае оно ему подсказало, что визитер явился по его душу и с серьезным разговором. «Налоговая?» – стрельнула в кудрявой голове Яшки мысль, попавшая если не в яблочко, то где-то рядом.

Миша предъявил владельцу клуба снимок.

– Видел ли я его? – почесал затылок Гостилицын, вглядываясь в фото блондина. – Да, заходил он сюда однажды, примерно месяц тому назад. Иваном его звать, кажется. Только я его не знаю! – откестился он – на всякий случай. – Его Майя привела.

– Кто такая? Адрес, телефон, – потребовал оперативник.

– Ну... я ей не звоню. У кого-нибудь есть телефон Майи? – обратился Яшка к своим гостям.

– Поэтессы, что ли? Ее легче найти через салон.

– У нее салон красоты на Жуковского.

– «Роял хайр», – подсказали Мише.

Уточнив по телефону в управе адрес, Миша отправился в салон красоты «Роял хайр», притаившийся в подвальчике одного из домов Центрального района. Яркая вывеска смотрелась нелепо на строгом фасаде с лепниной и колонами. Узкая лестница, ведущая вниз, запертая дверь. Костров напрасно давил на кнопку домофона – ему никто не спешил открывать, и вообще, создавалось впечатление, что там никого нет. Он посмотрел сквозь узкую стеклянную вставку в двери в надежде разглядеть в помещении людей или полоску света. «Ни души», – пришел к выводу капитан.

Приехав в управу, Михаил навел справки более основательно. Салон «Роял хайр» принадлежал Валенковой Майе Семеновне, уроженке Псковской области, тридцати двух лет, зарегистрированной в Петербурге в Восковом переулке. Ныне покойной.

15 мая. Санкт-Петербург

Майя погибла месяц тому назад, как именно – в куцей оперативной справке не уточнялось. В «Арт Гостилицын» Майя с Иваном заходили тоже месяц назад, криво усмехнулся Михаил. Капитан чуял, что за этим загадочным блондином числится не одна смерть. Чтобы выяснить обстоятельства гибели Валенковой, пришлось ему идти к следователю, ведущему ее дело.

– Дело это странное, как и сама погибшая, – неторопливо рассказывал Кострову Владилен Валерьянович Пылаев, немолодой степенный мужчина. За век своей службы Владилен Валерьянович раскрыл немало преступлений и знал, о чем говорил. Если он считал дело странным, значит, так оно и было.

Соседи Валенковой, глубокой ночью почувывшие запах дыма из ее квартиры, забили тревогу. Они долго звонили в дверь, надеясь разбудить хозяйку, в случае если та уснула. Не дождавшись, чтобы им открыли, и не желая пострадать от возможного пожара, соседи позвонили в МЧС. Прибывшая бригада пожарных взломала дверь квартиры и потушила очаг возгорания – тлевшую ковровую дорожку. Хозяйка квартиры лежала на полу. Одета в длинное белое платье, босая, с распущенными волосами и бледной кожей, она походила на невесту Люцифера. На подоконнике стоял опустошенный бокал вина, там же имелись томик стихов и множество свечей. Некоторые свечи уже догорели, другие, которые изначально были длиннее, еще нет. От одной из свечей и загорелась ковровая дорожка в холле.

Обстановка в квартире – картины, изображавшие дьявола и ангела, висевшие на противоположных стенах, точно друг напротив друга, готические маски, книги магического содержания – говорила о пристрастии хозяйки к оккультизму.

Как показала экспертиза, Майя Валенкова погибла вовсе не от проникновения в ее легкие угарного газа: в ее крови вместе с алкоголем присутствовал яд. Яд был обнаружен и в бокале из-под вина. Следствие прорабатывало две версии: суицид и преднамеренное убийство. В пользу первой говорили увлечения потерпевшей черной магией и особенно записи в ее альбоме – на каждой странице имелось упоминание о смерти: переход на новый духовный уровень, общение с душами умерших и тому подобное. Майя как будто готовилась к смерти заранее. В пользу второй – отключение электричества во всем доме, так что свечи вовсе не обязательно были зажжены лишь с ритуальными умыслами.

Дверь в квартиру была заперта заводским ключом, а не каким-либо посторонним предметом. Замки там стояли хорошие, подобрать ключ было бы очень сложно. Проникновение через лоджию и окна исключалось – ввиду высокой этажности. Может, конечно, она сама впустила убийцу и потом закрыла за ним дверь. Яд подействовал не сразу, а примерно через пять минут. Оттого и бокал с ядом был оставлен на подоконнике, а тело умершей распласталось посреди комнаты.

– Я думаю, что Майю все-таки убили, – поделился с Мишей своими соображениями Пылаев. – Вечером, незадолго до смерти Майи соседи слышали за стенкой ее голос. А голоса ее собеседника слышно не было. Как будто она с кем-то долго разговаривала по телефону. Но в то время с ее номера никаких соединений не было. Получается, либо ее собеседник говорил очень тихо, либо она разговаривала сама с собой, в чем я сильно сомневаюсь. Обычно электричество в доме отключается автоматически, когда превышает суммарная нагрузка. Такое происходит довольно часто, поскольку дом новый и подключен к сети электроснабжения по временной схеме. Но затемнения обычно случаются зимой, при массовом включении обогревателей. А тогда уже стоял апрель. Отключить электричество вручную можно в подвале. Туда как раз ведет отдельный вход с другой стороны дома. Зачем это понадобилось преступнику, вполне понятно – чтобы вышла из строя система видеонаблюдения, ну и чтобы обеспечить себе

беспрепятственный вход на боковую лестницу. Дом погрузился во тьму, электрические замки, как и положено им при пропадании тока, открылись – милости просим, ходи себе по этажам никто не увидит. Но это все только предположения, не подкрепленные доказательствами.

Я ведь косвенно знал погибшую. Ее дед по матери, Гаврила Петрович, был моим бригадиром. Я сам из Псковщины. Начинал слесарем, ремонтировал колхозную технику и заочно учился в институте. Гаврила Петрович головастым мужиком был, царствие ему небесное! И дочка его, Ольга, в него пошла – ум острый и деловая хваткая при ней – своего не упустит. Красивая была девка, за ней все парни бегали, но гордая, знала себе цену. Ее Ольгой в честь княгини назвали, той, что на Псковщине по реке Великой спускалась. И запросы у нее были княжеские. За сельского парня не пошла, в городе замуж выскочила. Говорили, не по большой любви, а по холодному расчету. У них вся порода такая. Дочь Ольгину, Майю, думаю, бог умом тоже не обделил. Красотой она в мать пошла, такая же статная и броская была. Да вон, сам взгляни, – следовательно протянул Михаилу снимок из уголовного дела.

Костров с любопытством посмотрел на фотографию, судя по обстановке, сделанную на какой-то вечеринке. Женщина в элегантном черном платье, с бокалом вина в унизанной экстравагантными перстнями руке. Гордо поднятая голова с гривой каштановых волос, крупные черты лица: глубокие, слегка суженные темно-серые глаза, черные молнии бровей, немного вздернутый аккуратный нос, сочные губы. В ее лице угадывалась южная кровь: то ли турецкая, то ли цыганская. Природа наделила Валенкову той нестандартной красотой, которая привлекает внимание и даже вызывает восхищение, но с ней не попасть на обложку модного журнала и не победить в конкурсе на звание какой-нибудь Мисс.

20 мая. Санкт-Петербург

К полудню Тихомиров вызвал Зинаиду Соболеву. По словам Дьячковой, именно она попросила ее приютить Альберта и теперь, узнав о его смерти, приехала сама. Поздновато, надо сказать, приехала, могла бы и пораньше – уже неделя прошла со дня убийства. Но спасибо и на этом, а то другие родственники Малуниса так и не объявились, словно покойный жил один-одинешенек, не имел ни друзей, ни родни.

Илья Сергеевич ничего о Соболевой не знал, кроме того что она – гражданка Литвы, а значит, подданная другого государства, и поэтому, если она окажется причастной к убийству, то придется ему заниматься лишней писаниной. Уже то, что погибший – не соотечественник, дело усложняет. И чего ради он сюда притащился со своими картинами?! Сидел бы в своей Прибалтике или в Европу ехал бы, благо у них дорога в страны Евросоюза свободна. Глядишь, и сам цел остался бы, и ему, следователю, хлопот меньше было бы.

Тихомиров, как всегда, утром со вкусом позавтракал, разобрался с бумагами, переговорил с операми. Расследование шло ни шатко ни валко, впрочем, как обычно. Все, что они имели на сегодняшний день, – это единственный подозреваемый Иван, и убийство Валенковой, расследовать которое ему лично не нужно. Пока что. Но разобраться в деталях гибели Майи все же необходимо. Илья Сергеевич, читая дело, выпил две чашки кофе, и если бы он курил, выкурил бы не меньше пачки, а если бы еще он был и любителем заложить за воротник, приговорил бы пару рюмашек. В этом деле, как сказал бы его покойный свекор, без пол-литра не разобраться. Следователь просмотрел материалы дела Валенковой и пришел к заключению, что дамочка, скорее всего, была не в себе. В ее случае имело место не клиническое помешательство или ярко выраженная шизофрения, каковая наблюдается у пациентов психбольниц. Откровенной дурой Валенкова тоже не являлась – дура не смогла бы управлять собственным бизнесом. Но отклонения от нормы в ее психике присутствовали. Такие люди бывают небезынтересными, они обычно начитанны и образованны, выделяются из толпы незаурядностью своих взглядов и имеют смелость быть самими собой; у таких людей много «своего»: своя мода, своя точка зрения, свои правила. Но из-за сильной концентрации на своей собственной индивидуальности и стараний ее не утратить они отдаляются от общества, превращаясь в белых ворон. Нынче – не как раньше, нынче модно быть белой вороной, потому что это значит быть почти звездой. Загвоздка только в этом пресловутом «почти», которое все портит. Звезде простительны любые экстравагантные поступки, более того, они поддерживают ее имидж, а вот «почти звезду» эти экстравагантные поступки могут отправить в лагерь для городских сумасшедших.

Илья Сергеевич налил себе очередную чашку кофе, отпил глоток и подумал, что Майя любила добавлять в кофе имбирь. В ее деле об этом упоминалось – вскользь. Может, стоит попробовать? В их районе есть универсам, где продают разные вкусности для гурманов, в том числе и имбирь.

В дверь тихо постучали. Следователь по обыкновению набрал в легкие воздуха, чтобы встретить посетителя ворчанием. Но перед тем как открылась дверь, Тихомиров скользнул взглядом по циферблату часов. Ровно двенадцать – на это время он вызвал Соболеву. Уже двенадцать? Так быстро! Что-то он задумался. Если это Соболева, то тут она молодец – пунктуальная.

На пороге появилась элегантная молодая женщина, облаченная в серую шелковую тунику. Аристократически тонкая, с гордо поднятой головой и высоко заколотыми рыжими волосами; завитки небрежно падают на голые плечи, как и длинные, интересные по дизайну серьги. Зинаида Соболева – явно диаметрально противоположность Дьячковой. И что может быть между ними общего? Глаза – медовые, на пол-лица, как у нереального космического

существа, взгляд – прямой, не лишенный превосходства. От ее взгляда Тихомирову стало неловко – он привык, что люди в его кабинете часто тушуются, а тут к нему явилась сама «мисс Уверенность». Или миссис, судя по возрасту. Сколько ей лет, на глаз определить Илья Сергеевич не смог. Кожа без изъянов, косметика неброская и почти незаметна, фигура превосходная, девичья, так что кажется, что ее обладательнице не больше двадцати пяти. Но вот этот взгляд – слишком прямой, цепкий и печальный, – взгляд человека, немало испытавшего в жизни. Так может смотреть только зрелая женщина, но никак не юная особа.

– Добрый день! Зинаида Соболева, – представилась она ровным голосом, настолько ровным, словно не к следователю пришла для дачи показаний, а, усталая, к себе домой и обращается к трущейся о ее ноги кошке.

– Добрый! – смущенная улыбка. Черт! Откуда это оцепенение, разозлился на себя Тихомиров. – Присаживайтесь, – кивнул он на стул, придав своему голосу казенную жесткость.

Соболева окинула взглядом стул, словно выбирала его в мебельном магазине, отодвинула подальше, села. Слишком вальяжно села. При этом по-хозяйски поставила сумку на тумбочку, располагавшуюся рядом со столом. Протянула следователю повестку и зеленый, с гербом Литовской республики, паспорт.

Илья Сергеевич полистал страницы документа, поднял глаза и уставился на ее серьги – крупные, из какого-то белого металла, с малахитовыми камнями посередине и свисающими на плечи перьями. Из головы его вылетели все вопросы, которые он собирался ей задать. Соболева молча ждала.

– Зинаида... – он не нашел в документе ее отчества.

– Сергеевна, – подсказала она, вместо того чтобы кокетливо позволить обращаться к себе по имени и тем самым как бы сократить свой возраст.

– Зинаида Сергеевна, кем вы приходитеесь Альберту? Вы ведь приехали в Петербург из-за того, что он погиб?

– Да, я приехала по этой причине. С Альбертом мы родством не связаны.

– То есть? Он был вашим другом?

– Нет, мы не дружили. В любовной связи тоже не состояли, – опередила она его вопрос. – Семья Альберта, точнее его мать, Регина, в прошлом мне очень помогла. И я считаю своим долгом сейчас помогать ей.

– И в чем же эта помощь заключается?

– В разном. Иногда отвожу ее на машине, если нужно. Вещи какие-нибудь отдаю. Регина на пенсии, а пенсия у нее небольшая, поэтому живет она скромно. Деньги она не берет, а вещи – если я скажу, что новые себе купила, а эти – старые и мне больше не нужны, – принимает. Ну и Альберту, конечно, я помогала немного. Он человек творческий, о заработках совсем не думал, только о своих картинах. Совсем непрактичным был. Ему предложили участвовать в выставке у вас в Манеже, но организационные вопросы, такие как размещение и проезд, были оставлены на участников выставки. Альберт загорелся, только найти жилье в Петербурге он оказался не в состоянии. Да и денег у него особых не было. Я бы ему помогать не стала – Альберт не дите малое, а мужчина, – здоровый и сильный. Но если бы я ему не помогла, эта проблема легла бы на плечи его матери. Для Регины он как раз дите малое и есть, и она собрала бы все силы, чтобы на тарелочке подать то, что ему нужно. Вот я к Кларисе и обратилась, чтобы она ему комнату на несколько дней сдала. Альберту – экономия, и ей лишний рублик не помешает.

– Логично. Только Дьячкова денег с вашего протеже брать не стала.

– Это на нее похоже, – ничуть не удивилась Зинаида. – Мое дело – предложить. Узнаю Клару с ее пролетарским презрением к деньгам. Считает ниже своего достоинства брать не заработанные ею деньги, а к работе она относит только то, что дает осязаемый результат или

как у нее – оформленный на бумаге в виде неких данных. Потому она и бедна, как церковная мышь. Принимать в своем доме чужого человека – это для нее как будто бы не работа.

Сказав все это, Зинаида поморщилась, и следователь понял, что Соболева, в отличие от Дьячковой, высоко ценит себя и свое время.

– Вы хорошо знакомы с творчеством Альберта Малуниса? – Илья Сергеевич задал навоящий вопрос. Он подумал, что такая женщина должна знать толк в искусстве.

– Более или менее. Я покупала у него картины.

– Чтобы поддержать Регину?

– И для этого тоже. Надо сказать, что художником он был неплохим. Некоторые его картины я дарила знакомым, и они им нравились. Это сразу видно, нравится подарок или нет. По свету в глазах, который правдивее всяких слов. Я потом видела подаренные мной картины, они украшают интерьеры в домах моих знакомых или у них на работе. И у меня самой дома висит пара работ Альберта. Это, конечно, не высокое искусство, но для создания атмосферы подходят – почему бы нет?

– Дьячкова утверждает, что Малунис среди прочих своих работ привез на выставку картину «Солнце в реке». Ни в ее квартире, ни в Манеже она не была обнаружена. Вам известна эта картина?

При упоминании «Солнца в реке» ломаные брови Зинаиды слегка приподнялись, глаза ее расширились.

– Я видела ее у Альберта, – уклончиво ответила она.

– Эта картина чем-то уникальна? Как вы думаете, почему пропала именно она?

– Такая же, как и все остальные его работы. Та же палитра, тематика...

– И все же картины нет. Думаю, ее украли. Вот только почему – непонятно!

– Может, ее и не украли вовсе, а купили у Альберта.

Тихомиров пристально посмотрел на собеседницу. На ее спокойное и уверенное лицо легла тень тревоги. И ответила она слишком быстро, быстрее, чем отвечала до этого. Тихомиров сразу про себя отметил ее манеру говорить – неторопливо и обстоятельно, выдавая слова как некие подарки. Прямо как Дьячкова. Интересно, кто у кого эту манеру перенял? И это была не прибалтийская медлительность – в Литве люди говорят довольно-таки быстро, грамматика литовского языка не предусматривает тягучих слогов, как в латышском.

– Как, по-вашему, кто мог убить Альберта и за что?

– Не знаю. Он был безобидным и мирным, врагов не имел. Может, его убили случайно или как свидетеля какого-то другого преступления? Вряд ли из-за картины. Хоть она и хорошо написана, но все-таки не рукой Микеланджело.

Двери – одни с табличками, другие без. Двери по обе стороны длинного с высоким потолком коридора. Двери открываются, и из них выходят люди – и вновь исчезают за дверями, но уже за другими. Раздаются шаги – за спиной и впереди, звучат цокот каблуков и шорохи бумаг. Зина ступает бесшумно в своих балетках, идет прямо по коридору, до холла, за которым – лестница вниз, на свободу. Перед выходом – турникет, где нужно предъявить пропуск, иначе не выпустят. Она протягивает его дежурному, тот смотрит, сверяет данные и нажимает на кнопку. Зеленая стрелка, можно идти. Дальше – двор с припаркованными служебными автомобилями, ограничивающий движение шлагбаум и улица, как другая часть мира. Для нее мир делится на две части: одна – свобода, где она – сильная, независимая женщина, другая – полиция, прокуратура, СИЗО, ИТК и все, что с ними связано. В ее лексикон эти слова вошли давно, и они, к сожалению, были не просто словами, а частью судьбы. Поэтому любой контакт со служителями закона и уж тем более визит в казенные стены всегда вызывал у Зинаиды целую гамму переживаний. Ее знобило, как при гриппе, колотило, ее била дрожь, учащалось сердцебиение и увлажнялись ладони. Как же ей стало дурно, когда она узнала, что нужно явиться в проку-

ратуру для дачи показаний! Первой мыслью было – бежать. Скорее на самолет, чтобы спрятаться в какой-нибудь уютной стране. А Альберт... Да что Альберт? Он ей не сват, не брат; она оставила бы денег Кларе, чтобы та организовала отправку тела на родину. Кларе он совсем никто, и лишние хлопоты ей не нужны – своих хватает, но если ее попросить, она не подведет. Клара никогда не подводит, она безотказная. На таких упрямых альтруистках, как она, весь мир держится.

С Кларисой они познакомились давно, в весьма неприятном месте – на лужайке поселка Саблино, прозванной местными жителями «накопителем». Недалеко от Саблина находилась женская колония, а на лужайке родственники осужденных дожидались свиданий. Зине было одиннадцать лет, Кларе – четырнадцать. Зина приехала с бабушкой навестить мать, Клара – старшую сестру. Другие дети на школьных каникулах ездили отдыхать, а Зина – в Саблино, в колонию, пока мама не умерла, не дожив до окончания срока двух месяцев.

Несмотря на разницу в возрасте, девочки подружились, обменялись адресами и телефонами. Эта была странная дружба: немногословная, возвращенная на несчастье, но не лишенная искренности. Сначала они переписывались, изредка одаривая друг друга короткими письмами, потом перешли к телефонным разговорам – таким же редким, как и письма. Повзрослев, бывало, встречались, когда Зину дела приводили в Петербург. Тогда они, как старые подруги, усаживались вечером в кухне, поговорить за чашкой чая. Они были очень разными. Зина со временем расцвела и превратилась в стильную, образованную, интересную женщину, на которую часто оборачиваются мужчины. Клариса тоже была образованна: красный диплом университета, звание кандидата наук, уважение на работе... К сожалению, счастью в личной жизни это никак не способствовало. Ее отзывчивое до самопожертвования сердце в сочетании со сложным характером и манерой одеваться в стиле пенсионерки привлекали к ней лишь недостойных мужчин – инфантильных и бессмысленных или же горьких пьяниц, коим был ее муж.

Поборов приступ паники, Зина немного подумала и пришла к выводу, что, как бы ей ни хотелось помчаться в аэропорт, этого делать не стоит. Резкие движения только навредят ей, да и на Клару перекладывать проблемы нельзя, и так она воспользовалась ее отзывчивостью – Альберта к ней направила. И отнюдь не для того, чтобы приятельница заработала на сдаче комнаты, а чтобы пристроить нерасторопного сына Регины. Как бы неприятно это ни было, а придется ей задержаться здесь и закончить дела.

Когда Клара ей позвонила и сообщила, что Альберт умер, Зина решила, что произошел несчастный случай – он под машину попал или поскользнулся и неудачно ударился затылком, при его рассеянности такое вполне возможно. По телефону Клара не стала вдаваться в подробности, бросила несколько лаконичных фраз и отсоединилась. Это было в ее стиле, она всегда разговаривала коротко и по делу. Так что узнала об убийстве Альберта Зинаида, только приехав в дом Дьячковой, где сразу же нарвалась на работавшего там оперативника. Спортивный, до безвкусицы просто одетый мужчина лет тридцати восьми, с суровым резким лицом, сидел в гостиной и что-то писал. Как только она вошла, он мгновенно переключил на нее свое внимание, насторожившись, как зверь, почуявший добычу.

– Это моя знакомая, Зинаида, – представила ее Клара. – Она из Литвы приехала, из-за Альберта.

– Очень хорошо. Вы его родственница?

Зина промолчала, изучающе глядя на него. Кто он и почему считает себя вправе задавать ей подобные вопросы? В первый момент она подумала, что этот беспардонный тип – мужчина Клары. Наконец-то у нее кто-то появился! Хотя вряд ли, последовала догадка: не тот типаж, если у Клары кто-то и появится, им будет какой-нибудь хлюпик, нуждающийся в заботливой мамочке. Нормальных мужчин она отпугивает излишней суровостью и самостоятельностью.

– А почему вы меня об этом спрашиваете?

– Капитан Юрасов, уголовный розыск, – запоздало представился он, отточенным жестом взмахнув служебным удостоверением.

В сердце кольнула иголка страха, Зина едва удержалась на ногах, усилием воли придала лицу надменное выражение (безразличие ей изобразить не удалось).

– А что случилось? – задала она отвлекающий вопрос, догадываясь о том, что именно произошло.

– Так кем вы приходитеесь Альберту? – проигнорировал ее вопрос капитан.

– Никем.

Она сказала правду: Альберт ей – никто. Но въедливый оперативник не поверил и задал еще уйму вопросов, пытаясь докопаться до истины. Результатом общения с ним явилось приглашение в прокуратуру.

Сегодня, перед тем как войти в кабинет следователя, Зина остановилась и сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, выпила таблетку валерьяны. В кабинете она изо всех сил старалась держаться непринужденно, и, кажется, ей это удалось. Следователь, вероятно, принял ее за весьма заносчивую особу, судя по тому, как он с ней разговаривал. Она знала, как реагируют люди на ее наносное высокомерие – оно как в зеркале отражается на их лицах. Ну и пусть, думала она, зато оно скрывает смятение и страх, которые гнездятся в ее душе.

«Кто мог убить Альберта?» – вертелся в ее голове вопрос. За что его убили, Зинаида знала наверняка. Все из-за картины. Не нужно было везти ее с собой и выставлять на всеобщее обозрение! Потому что в той давней истории еще не поставлена точка.

Гируляй. Перед выставкой

– Я скоро умру, – изрек Альберт с байронической грустью в голосе.

Зина изучающе посмотрела на его лицо: кожа слегка загорелая и обветренная, как у человека, много времени проводящего на улице, потрескавшиеся губы, глаза с красными прожилками, но все же не большие.

– Ты нездоров? – спросила она.

– Вполне здоров. Печень, правда, пошаливает, но это ерунда.

– Тогда в чем дело?

– Скоро мой день рождения. Мне исполнится сорок.

– И что? Столько не живут? – иронично заметила Зина.

Она понимала Альберта. Сама впала в уныние накануне своего тридцатилетия. Ведь двадцать девять – это еще, считай, двадцать, а следующий день рождения сразу прибавляет не то что десяток, а делает тебя старше на половину срока. И ты уже не чувствуешь себя такой же молодой и беспечной, как всего неделю назад, потому что осознаешь, что тебе тридцать – число лет, всегда казавшееся ей гигантским, седым, усеянным морщинами, необратимо серьезным. Пусть у тебя пока еще нет ни седины, ни морщин, и серьезности тоже нет, но тебе уже грустно оттого, что все это неизбежно появится.

В своих тридцати годах Зина уже обжилась, привыкла к ним и чувствовала себя вполне уютно. Она находила свой возраст прекрасным, прекраснее неприкаянных двадцати лет, когда ее разрывало от желания заниматься всем и ничем конкретно, было много эмоций и – вместе с ними – не меньше сомнений в себе. А теперь она твердо стоит на ногах, она молода и красива – без надуманных морщин и седины, – уверена в себе и в завтрашнем дне. И, возможно, сорокалетие свое она встретит спокойно, с расслабленной улыбкой героини Алентовой на таком же молодом лице. Но сорокалетие еще не скоро, поэтому Зина о нем совершенно не думает. А Альберт уже стоит на рубеже пятого десятка, за которым, как ему кажется, жизни нет.

– Живут и дольше, но не все. Мне суждено прожить сорок лет и три дня, – продолжил он панихиду.

– С чего ты это взял?

– Я видел свою смерть. Она случилась через три дня после празднования моего сорокалетия.

– И где же ты ее видел, во сне? – подозрительно спросила Зина. У нее закралась мысль: не спятил ли художник на почве своего творчества?

– Можно и так сказать. Но не будем об этом. Чему быть, того не миновать, – попытался пошутить он.

– Не будем, – согласилась она. – Давай лучше обсудим твою поездку. Когда тебе нужно быть в Петербурге?

– Выставка открывается пятнадцатого числа, значит, приехать туда желательно за неделю.

– Я с Кларой связалась. В принципе, она готова тебя принять. Скажи, картины ты в ее квартире собираешься держать? У нее хоть и просторно, но загромождать чужую жилплощадь нехорошо.

– Ну... – помялся Альберт, – на первое время свои работы я бы оставил у нее, а потом перевез бы в выставочный павильон. Не сдавать же их в камеру хранения? Да их у меня не так много! Вот, посмотри! – он распахнул комод и вытащил из него завернутые в хлопковое одеяло картины. С гордостью курицы за выводок цыплят художник стал демонстрировать Зине свои работы.

Лунная дорожка, мощные улочки, гармонично залитые солнцем и тенью; грациозные плющи; море, лавандовые поля... Яркие, насыщенные краски, красиво, но в целом – пейзажи

как пейзажи. Зинаида предпочитала Сурикова и Левитана, а творчество Малуниса, хоть и не лишенное таланта, ее не трогало. Она из вежливости взглянула на картины, оставаясь совершенно равнодушной к ним. Сейчас ей не требовалось их выбирать и потом думать, куда пристроить приобретенные шедевры. Альберт собирался на выставку, и поэтому покупать его работы, чтобы поддержать художника материально, было незачем. Может, ему повезет и на выставке найдется покупатель. Удачи ему, мысленно пожелала Зина.

– А вот еще одна! – с торжеством в голосе объявил Альберт. Он достал отдельно упакованную картину и бережно ее развернул. – Я назвал ее «Солнце в реке».

Зина так же безучастно посмотрела на очередное творение. Сине-зеленые краски, низкие сосны, песчаный берег реки, золотое солнце в ней... Езус Мария! Это же...

С точки зрения художественной ценности эта картина ничем не отличалась от всех других картин Альберта – красивая, выполненная в мажорных тонах, но тоже средненькая. Однако Зина уставилась на нее, как на «Джоконду».

– Где ты это видел?!

– У нас, в Гируляе, недалеко от Янтарного Берега, когда ездил на пейзажи. Потрясающее место! Совершенно случайно обнаружил.

Янтарный Берег... Да, это случилось именно там. Теперь уже Зина не сомневалась в психическом здоровье Альберта, ей стало ясно, почему Альберт знает, что скоро умрет. Она тяжело посмотрела на него, как смотрят на людей, отправляющихся на фронт. Жаль Регину, он у нее – единственный сын. Ну а может, все обойдется?

– Ты тогда был один? – спросила Зина, хотя знала о склонности Альберта пребывать в одиночестве, особенно во время работы.

– Да. Одному лучше, никто не отвлекает.

– Продай мне эту картину, – попросила она.

– Сейчас не могу, я ее заявил для участия в выставке. Если только после.

– Продай. Я хорошо заплачу. Кроме «Солнца», у тебя для выставки есть и другие картины.

– Не могу. Я ее заявил для участия... – гнул свою линию Малунис. – Организаторы выставки признали ее лучшей из моих работ. И не только из моих. Эту картину включили в рекламный ролик вернисажа!

– Рекламный ролик? – встревожилась Зина.

– Да, сказали, что его покажут по телевидению, для привлечения посетителей в Манеж. Известие о рекламе ее сильно озадачило, огласка была очень некстати.

Зина поняла, что спорить бесполезно – если уж Альберт уперся, его не переубедить ничем.

– Хорошо, – отступила она. – Тогда пообещай мне, что ты никому не расскажешь, где видел золотое солнце.

Художник посмотрел на нее сочувственным взглядом.

– Ты хочешь сказать... – он догадался, что Зина тоже знает про солнце в реке, и, возможно, она тоже видела свою смерть. – Если ты хочешь, я буду молчать.

– Спасибо. Только никому не говори про это место. Это для меня важно, очень важно.

– Не скажу, – твердо заверил Альберт. В этот момент он почувствовал духовную близость с Зинаидой. Их объединяла общая тайна и связанная с нею неизбежная смерть.

80-е годы. Прибалтика

Какая же все-таки в этом году выдалась роскошная весна! Ранняя, волнующая, давно такой не было. Видано ли – еще только апрель, а уже такая теплынь, что люди загорать ездят. Надо тоже выбраться с Люсей на пляж. Забраться в дюны, подальше от посторонних глаз. Соболеву тут же представились аппетитные формы лаборантки Люси, облаченные в красный венгерский купальник. Она достала его где-то по знакомству и на днях хвасталась перед девчонками на кафедре. Он тогда тихо зашел и стал невольным свидетелем демонстрации обновки. Заметив его присутствие, Люся купальник убрала, но не быстро, как это обычно бывает в подобных щекотливых ситуациях. Она смутилась, но, как ему показалось, кто-то наигранно, и даже осталась довольна своей оплошностью. А вот он смутился по-настоящему, словно школьник, попавший в женскую раздевалку.

Лене с Зиной тоже подышать морем не помешает, подумал Соболев. Всегда так – как только он вспоминал любовницу, на ум приходили жена с дочкой. Сергей Арсентьевич бросать семью не собирался, семья – это святое. Он и не думал, что когда-нибудь у него появится женщина на стороне. Если разобраться, в адюльтер он не вступал. Почти. Во всем виновата она – волнующая весна, праздник Восьмого марта на кафедре, бокал шампанского, высокие каблучки, круглые колени лаборантки, дерзко выглядывающие в разрезах юбки, ее тугие локоны и рюши на рукавах, которыми она невзначай касалась его руки, застенчиво опуская глаза. От этих ее прикосновений Соболева пробирала дрожь. Он сам себе удивлялся – давно с ним такого не случалось. Это чувство было необычным и радостным, словно привет из далекой юности, когда у него точно так же бежали по спине мурашки и делалось непослушным тело от приближения нравившейся ему девушки. Как-то само собой получилось, что они с Люсей за столом оказались рядом. Он по-джентльменски за ней ухаживал – наполнял бокалы, подавал закуску. А она кокетливо улыбалась и хлопала ресницами. Потом мужчины кафедры пошли провожать дам, и он опять почему-то оказался рядом с Люсей. Зашел к ней «на минуточку» – да так, что после этого визита делать вид, что ничего между ними нет, стало просто неприлично. Чем дальше, тем больше. Все как-то само собой закрутилось, он и не заметил, как его затянуло в мутную воду любовного треугольника. Поначалу двойная жизнь будоражила его новизной и свежестью впечатлений, но очень скоро острота ощущений притупилась, страсть стала гаснуть, как гаснет рождественская свеча.

В какой-то момент ему показалось, что Лена о чем-то догадывается. Когда он вернулся домой позже обычного, она, встречая мужа в прихожей, не поцеловала его, как всегда. Лена не учинила допрос и уж тем более скандал. Его жена и скандал – несовместимы. Лена – спокойная, милая, интеллигентная, хорошая и правильная. Слишком хорошая и слишком правильная. До оскомины и зубовного скрежета. Ей надо соответствовать: держать спину прямо, принимать пищу по этикету, не шаркать ногами, не выражаться... Да, он с детства приучен к этикету, но от него устаешь, и ведь иногда хочется и в скатерть высморкаться! Ловишь себя на подобной низменной мыслишке и чувствуешь свое несовершенство. А Люся... Люся – сама простота, фонтан эмоций и страстей. Горячая девочка. Лена – идеальная жена, а Люся – любовница. К сожалению, не идеальная. Потому что, увы, она рассчитывает на нечто большее. Это он чувствует спинным мозгом, по вибрациям атмосферы, когда они остаются наедине в ее махонькой квартире, когда она подает ему сыпучий, как песок, индийский растворимый кофе со сливочным рулетом из гастронома, что напротив ее дома. «Я тебя так люблю, хороший мой», – томно произносит Люся и делает паузу, ожидая услышать: «И я тебя». Но Соболев делает вид, что ничего в ответ говорить не нужно. То есть он бы сказал «благодарю», имея в виду кофе, но получилось бы, что он ее благодарит за признание в любви, а это ни в какие ворота не лезет.

Поэтому, чтобы ничего не отвечать, он сосредоточенно откусывает рулет, запикивает кусок в рот и долго его пережевывает, запивая кофе.

– Очень вкусно! Где ты такие рулеты берешь? – фальшиво интересуется Сергей, чтобы сменить тему.

– В гастрономе, – произносит Люся, с трудом сдерживая раздражение – подловить любовника на слове ей вновь не удалось.

На минуту от обиды она оставляет свою роль услужливой милашки и становится самой собой – эгоистичной и требовательной особой. Нетерпеливо кромсает рулет, наливает себе кофе в огромную кружку и, не обращая внимания на только что бывшего для нее центром Вселенной любовника, с наслаждением набрасывается на сладкое. Люся по-деревенски дует на горячий кофе, обжигается, причмокивает, спохватывается, что нужно вытащить из кружки ложку, а пальцы у нее в рулете.

Сама простота, думает Сергей, глядя, как девушка вытирает жирные руки о вафельное полотенце, вместо того чтобы их вымыть. Если раньше простота Люси ему нравилась – он влюбленно приравнивал ее к непосредственности, – то теперь он раздражался. Все-таки нет в ней породы, сравнивал Соболев Люсю со своей матерью. Он всех женщин сравнивал с матерью – своим идеалом: строгой, сдержанной и гордой, великолепно воспитанной. Его мать, Алевтина Наумовна, наливает кофе в миниатюрную кофейную чашку из прозрачного на свету фарфора, аккуратно размешивает маленькой серебряной ложечкой рафинад, который берет специальными щипцами из сахарницы. Пьет она кофе медленно и красиво. Она все делает красиво и по этикету. Люсе с ее тяжеловесной кружкой (это же надо – так извратить кофейную церемонию!) до его матери – как до китайской границы. Алевтина Наумовна с детства ему прививала манеры. В подростковом возрасте они его выводили из себя, и в знак протеста он иногда позволял себе нецензурно выражаться – громко и самыми ядреными фразами, но происходило все это дома и когда никто не слышал. Или мог с наслаждением чавкать за столом, хватая еду руками вместо положенных ножа и вилки. Но опять же когда его за этим занятием никто не видел. Сергей давно вырос и теперь вспоминал мать с ее наставлениями с теплотой и возводил на пьедестал. Только иногда, наблюдая, как его жена точно так же, как и его мать, сервирует стол по этикету, кладет в кофе щипчиками сахар, держит ровно спину, но не воспитывает его, нет, а всего лишь смотрит на него строгим взглядом, если он в чем-либо нарушает этикет, в Соболеве просыпается протестующий подросток. Ему вдруг срочно не терпится принять вальяжную позу, положить локти на стол или выкинуть что-нибудь еще, только чтобы перестать себя чувствовать рядом со своей женой ребенком, которого учат манерам. Как же Лена похожа на его мать! Он ее уважает, слушается, бережет ее, любит, как любят мать. А хочется любить ее иначе, как любовницу. Но он сам выбрал жену, именно такую, чтобы она походила на его мать.

Лена, как и Люся, тоже имеет простое происхождение, она выросла в сельской местности, но держится как горожанка, и никто не разглядит в ней бывшую сельчанку. А если все-таки каким-либо образом обнаруживаются ее корни, то это выглядит как достоинство. Тихая, как луговая трава, спокойная, как текущая вдоль пасеки речка, милая и неброская, как деревенский пейзаж, – это все его Лена. Она росла без гувернанток, не посещала театры и музеи, училась в школе, где все было по-домашнему: учителя приходили на уроки в чунях и телогрейках, чтобы на большой перемене успеть управиться по хозяйству. В детстве она много читала, особенно любила произведения про элегантный девятнадцатый век, в которых рассказывается о благородных офицерах и изящных барышнях с веерами. Лена представляла себя с веером и в шляпе с большими полями, как она сидит на террасе и пьет «кофий» из миниатюрной чашечки, или же в длинном белом платье кружится в вальсе. А рядом с ней ее муж – статный красавец-офицер или ученый, но никак не колхозник или грубый работяга. Быть может, простой парень ничуть не хуже офицера, он способен горячо любить и заботиться о

жене, но это ведь совсем не романтично! Как в своем поселке она встретит рыцаря благородных кровей, Лена не представляла, но упрямо верила в свою мечту, которая, как ни странно, осуществилась. Однажды в их колхоз прислали на картошку сотрудников института. От ученых помощи было мало. Они, городские жители, были не приспособлены к жизни в полевых условиях, работать толком не умели, только грязь месили и урожай топтали. Председатель колхоза очень быстро отправил ученых в город, такие работнички ему были не нужны. Лучше бы с завода людей прислали, ворчал он, рабочие хоть лопаты в руках держать умеют. Но судьбоносная встреча произошла. В предпоследний день своего пребывания на полях доцент Соболев зашел в селцо, где и повстречал ее – кроткую красавицу, лицом и фигурой напоминавшую его мать. Алевтина Наумовна, как и Лена, тоже была деревенской, и отец-академик тоже познакомился с ней совершенно случайно, решив провести отпуск вместо Черноморского побережья в близлежащей деревне.

А Люся... Люся чересчур яркая и резкая. Что ни движение, то ураган, что ни выражение, то ляп; накрасится, напудрится, волосы начешет и лаком зальет, бусы, цветастые тряпки напялит – в таком виде только на карнавал идти или в цыганский табор подаваться. И еще вот эти ее «хороший мой» или «любимый мой» чудовищно раздражают. Быть для кого-то хорошим и любимым Сергей совсем не против, но притяжательное местоимение в конце убивает и «хорошего», и «любимого» наповал. До ушей долетает только противное «мой». Его уже присвоили и всячески стараются посадить на цепь, чтобы он никуда не делся. От этой мысли хочется сорваться с места и бежать, и если бы не сидящая у него на коленях Люся, он так и сделал бы. Когда колени придавлены грузом, не особо-то и сорвешься. Сначала надо их освободить – перенести Люсю на диван. Он так и поступал – переносил и уходил. Но сначала он ее раздевал. После любовных утех Соболев закрывал за собой дверь, бормоча на прощание какие-то банальности про чудесный вечер, который непременно повторится, а сам в это время думал, что больше он сюда – ни ногой. Но на кафедре перед его глазами снова мелькали круглые колени лаборантки, и все возвращалось на круги своя.

Да ну, Ленка ни о чем не догадывается – она святая, успокаивал себя Сергей. А то, что она погрузнела и не ластится к нему больше, как прежде, так мало ли на то какие имеются причины? Может, у нее какие-то женские неприятности случились? Ну, сумочки в тон к туфлям нет или поправилась она на килограмм-другой? Он-то этих килограммов не замечает, для него Лена – это Лена, всегда она остается милой и любимой его женой, тонкой, как девочка, несмотря на килограммы. Только всему – свое время. Прозрачные девочки пленительны в юности, а Лена, какой бы красавицей ни была, а четвертый десяток разменяла. Увы, годы не спрячешь, даже под вуалью стройности. Поправилась бы уже, что ли, и была бы как все женщины – в теле. Тогда бы он, может быть, Люсиными формами и не прельстился. Ну, и заодно про скромность свою в постели забыла бы, а то спишь словно с монахиней. Надоело, елки-палки! Получается – жена сама виновата, что его налево занесло.

Сергей обо всем этом думал, глядя в распахнутое окно кафедры. Он только что прочел доклад. Спорный, между прочим, доклад. И вместо того чтобы переживать, в его ученую голову лезли несерьезные весенние мысли.

В зале продолжало висеть молчание. Все замерли уже после второго произнесенного Соболевым предложения и внимательно слушали, не зная, как реагировать.

Наконец заведующий кафедрой – когда-то увенчанный лаврами и бессменный – взял слово. Он, по обыкновению, протер свои массивные очки, пригладил седой чуб, кашлянул и начал говорить:

– Мы вас все очень уважаем, Сергей Арсентьевич, и ценим ваш вклад в науку. Но сегодняшней ваш доклад, надо полагать, был недоразумением. Русло безымянной речушки причислить к историческому памятнику лишь на том основании, что ее берега якобы являются

местом поклонения древних куршей! Да таких мест, как собак нерезанных – эти язычники молились на каждый камень.

– Это – особое и, я не побоюсь этого слова, мистическое место. Там можно попасть в другое измерение, увидеть будущее. Были случаи, тщательно засекреченные по известным причинам, когда люди, попадая в реку, выходили из нее глубокими стариками. Они проживали свою жизнь в другом времени, а для тех, кто оставался на берегу, отсутствовали всего несколько минут.

В зале послышался смех. Нарочито громкий, как в спектакле:

– Вы в здравом уме, Сергей Арсентьевич?

Не обращая внимания на выпады коллег, Соболев продолжал:

– Место на берегу этой речки не зря выбрали жрецы для ритуалов идолопоклонничества. Там, образно говоря, небо ближе к земле, из-за чего боги лучше слышат молитвы. В мире не так много подобных мест, как правило, они отмечены особыми знаками. Один из знаков – Золотое Солнце. Это щит, изготовленный финно-уграми из колокола, украшавшего собор древнего города.

Город был взят и разграблен. Огромный колокол раскололи на четыре части, из которых изготовили щиты. Эти щиты украсили солнцем из золота, и потом ими наградили самых достойных воинов, живших в бассейне реки Камы. Надо заметить, что все древние соборы построены не где попало, а в местах с сильной энергетикой.

Колокол впитал в себя божественную силу, и щиты, изготовленные из него, обладали чудесным свойством – они отражали удары врагов и их обладатели были непобедимы. Но энергетика щитов истощалась, и щиты в конце концов теряли свое уникальное свойство. Чтобы его вернуть, щиты вешали в энергетически сильных местах и, как это было принято у язычников, сопровождали сие действие жертвоприношениями.

– Вы сами верите в то, что говорите?

– Верю, иначе бы не говорил! Более того, я видел знак золотого солнца. В прошлом году я побывал в походе, в тайге. Там есть насыпь, которую местные жители называют Большой валун. На нем знак солнца. Вот такой, – Соболев вытащил из папки черно-белое фото и продемонстрировал его собравшимся. Покрытый мхом пригорок на фоне мощных елей и деревьев с раскидистыми кронами. На пригорке – каменный диск в виде солнца с человеческим лицом и лучами-космами. – Это уже не щит, а воссозданное в камне божество, его украшавшее, – пояснил Сергей Арсентьевич. – Язычники не смели снимать щит без разрешения жрецов, ибо боялись божьей кары, а вот их потомки запросто его умыкнули. Кусок чистого золота просто не мог остаться нетронутым, если его никто не охранял. А вот это, – Соболев предъявил коллегам маленькое деревянное солнце – копию идола, – я получил от местного шамана Халхима. Шаман подтвердил мою версию о том, что Большой валун – энергетически сильное место. Он сам там подзаряжается энергией. Этот амулет Халхим изготовил сам, зарядил его на удачу своим особым обрядом и подарил мне.

– Танцем с бубном? – поддели его.

– С бубном. Надо сказать, завораживающее зрелище! Размеренные удары в бубен – протяжные и глухие, движения шамана мягкие, как у леопарда, на первый взгляд они кажутся беспорядочными. Шаман танцевал с духами, гладил землю, разговаривал с ней, трогал ладонью огонь, о чем-то просил небо. Все это время он пел и бил в бубен. Глядел я на этот мистический ритуал – и замирало сердце, я боялся пошевелиться, чтобы не помешать шаману.

– Вы нашли на Большом валуне жертвенник? – перебил его завкафедрой, чтобы уйти от скользкой темы мракобесия.

– Даже не искал. На археологические раскопки нужно иметь разрешение, которого у меня не было. Но я надеюсь его получить, когда закончу научную работу и буду иметь на руках неопровержимые доказательства.

– Вот именно, что нужны доказательства, а пока что ваши слова зиждутся лишь на домыслах.

– Доказательства будут. Я уже почти установил, где именно находилось место идолопоклонничества куршей. По моим предположениям, один из щитов со знаком солнца достался этому племени, и, возможно, он до сих пор находится в священном месте. Считаю, что там же можно найти и жертвенник.

– И что, по-вашему, в жертвеннике? Бриллианты? – заметили коллеги ироническим тоном.

– Нет. Золото, серебро, бронза. Курши были очень богатым племенем. Они часто ходили в походы – грабить скандинавские земли. Первый бриллиант был изготовлен Луи де Беркемом в 1454 году, а жертвенники куршей появились гораздо раньше. Несмотря на отсутствие в них этих драгоценных камней, жертвенники древних племен представляют собою огромную историческую ценность.

– А другие щиты где?

– Как я уже говорил, место одного лично видел в тайге и считаю это большим успехом. Второй, по моим предположениям, – у нас, в речке около Гируляя, той самой, которую собираются осушить и построить там пансионат. Где еще два, не знаю. У меня есть предположения, но я не стану их озвучивать, поскольку сам еще не уверен. Скажу лишь, что третий – на Севере.

– А четвертый – на юге, – хохотнули в зале.

– Не исключено, – серьезно ответил Соболев. – Я давно занимаюсь изучением финно-угорских народов. Это венгры, ясы, эстонцы, ливны, финны, карелы, вепсы, ханты, манси и прочие. Как видите, в настоящее время их география довольно широка: от Балкан до тайги и от Заполярья – до Черного моря. Как известно, изначально финно-угорские племена жили в бассейне реки Камы, откуда впоследствии перекочевали, кто в причерноморские и приазовские степи, кто в северные и западные районы. А происхождение щитов с изображением солнца датируется периодом, когда миграция финно-угров с Урала еще не началась.

В былые века

Курши богаты золотом, серебром и превосходными конями, добытыми в походах.

Это племя все избегают, из-за того что жителям этого края свойственно чрезмерное почитание идолов. Все там кишит прорицателями, авгурами¹ и черноризцами. Но не только колдовская сила страшит чужеземцев. Курши смелые и жестокие воины, они, как саранча, сметаю все на своем пути, стоит только им причалить свои корабли к землям соседей. Но и земли куршей часто подвергались набегам. Их основные враги – даны и своены. Даны сильны многочисленным войском, данам удавалось завоевать своих соседей, своенов. Многие окрестные племена платят дань королю данов. Даны и куршей завоевали бы, но их земли слишком далеки, пехота туда не дойдет, до них можно добраться лишь морем. Против данов курши иногда объединяются с ливнами, чьи земли расположены по соседству. Ливны не так воинственны, как курши. Они в основном промышляли сухопутным пиратством: разводили костры, привлекая внимание торговых судов, а затем грабили любопытных купцов и моряков, высадившихся на берег. Ливны тоже вынуждены иметь войско, чтобы обороняться от врагов. Среди них есть храбрые воины, один из которых носит щит с золотым солнцем. Щит был получен в награду за доблесть и передается из поколения в поколение.

Однажды, когда даны причалили свои корабли к землям куршей, чтобы разграбить их и подчинить себе, жители собрались вместе и начали мужественно бороться и защищаться. Одержав победу и уничтожив в резне половину данов, они разграбили их корабли, захватив у них золото, серебро и много другой добычи. Но радоваться было рано – не только даны зарылись на земли куршей и на их богатства. Король своенов пожелал расправиться с ослабевшим в борьбе племенем. Он собрал большое войско и направил его к землям куршей. Своенам удалось неожиданно напасть на один из городов и полностью разграбить его. Подожженный город пылал в пожаре, дым поднимался до небес и, гонимый ветром, летел в южную сторону, извещая тамошних жителей о беде. Опьяненные победой своены оставили свои корабли и отправились грабить следующий город. Своены шли как смертельный ураган, уничтожая все, что попадалось на их пути. Деревни горели, люди, чтобы не погибнуть или не попасть в рабство, прятались в лесах. Там они скитались, больные и слабые погибли без крова, те, кто был посильнее, чтобы выжить, сами нападали на соседние деревни. Среди куршей разгорались распри. Им бы объединиться, чтобы противостоять чужеземцам, но многие считали злейшим врагом своих же, в то время как еще не пришедшие в их дома своены казались им безобидными. Одни рассчитывали откупиться, другие надеялись на высокий забор и стены дома, казавшиеся крепкими. Только не знали курши, насколько силен и безжалостен противник. Когда же своены вступали в деревню, что-то предпринимать становилось поздно – силы были не равны, и разрозненных сельчан, живущих каждый своим домом, сметали, как песок.

Добравшись до города, своены наткнулись на запертые ворота. Захватчики сами себя выдали пожарами, разжигая их по дороге. Своены осадили город, жители заняли оборону. По одну сторону стен осажденного города надеялись на быструю победу, по другую – на быстрый конец осады, но противостояние затянулось. Своены забирались на стены города, их отбрасывали. Обе стороны несли потери. В городе подходили к концу запасы воды и пищи, падшие защитники лежали там, где встретили свою героическую смерть, – у стен города. Их тела разлагались и смердели, началась эпидемия. Среди горожан царил паника. За горстку пшена они отдавали серебро, за глоток воды платили золотом. Бедняки были обречены, доведенные до отчаяния, они нападали на тех, у кого еще оставалась еда. Назревала гражданская война.

¹ *Авгур* – прорицатель, истолковывающий волю богов по полету птиц. (Прим. автора)

Зажиточные горожане понимали, что они обречены, как и все, они умрут – если не от голода, то от рук неимущих.

Однажды ночью один из зажиточных горожан, черноризец Раганас, собрал нескольких единомышленников из городской знати на тайный совет. Раганас не имел благородных корней, но был хитер и оборотист, умел договариваться и попросту плутовать, сумел разжиться неплохим капиталом.

– Своены жестоки и бесстрашны, как бешеные псы. Они не остановятся, пока не возьмут город. А когда возьмут, уничтожат всех.

Все и так это понимали.

– Всемогущий Пяркунас нам поможет, за год на берег Швятупе мы ему принесли много даров: три кувшина золотых монет и два с серебром, – предположил один из жителей.

– Видимо, этого мало, раз наш бог перестал нам помогать, – сказал другой.

– Что ты предлагаешь? – спросил третий, самый проницательный из них. Он знал, что Раганас позвал их неспроста.

– Прошлой весной я ездил по делам в края земгалов. К берегу причалил корабль, это своены прибыли за данью. На его борту находились и купцы. Они ходили по рынку, скупали знатную земгальскую утварь и украшения, предлагали скобяные изделия и меха. Я купил у одного охотничий нож. Добротный нож, надо сказать, кожаный кнут он одним махом перережет. Так вот, этот купец теперь у стен города, он имеет вес на совете старейшин. Думаю, я смогу с ним договориться.

Ему закивали – Раганас мог договориться с самим чертом.

– Городу все равно осталось недолго. Еще три дня – и люди начнут вымирать, как рыба, выброшенная на берег. Так что надо сдаться своенам. Мы откроем ворота в обмен на наши жизни и жизни наших семей. Кто-то ведь должен выжить, и лучше, если это будут достойные, – черноризец обвел присутствующих своими холодными, как лед, глазами и, не встретив возражений, продолжил: – Завтра на площади мы объявим о своем решении выйти на переговоры с противником. Чтобы он отступил в обмен на откуп.

Так и решили. Утром один из заговорщиков, пользовавшийся доверием у старейшин, объявил об идее откупиться от врага.

– Мы откроемся ливню копий, и если нам будет суждено погибнуть, значит, так тому и быть, – сказал он с пафосом.

Старейшины слушали его с сомнением во взоре. Согласятся ли своены на перемирие? Но раз и так смерть на пороге, стоит попробовать.

На заре, умытой росой, объявили общий сбор жителей города. Старейшины сдержали слово. Измученные горожане, услышав о возможном снятии осады, приободрились.

– Идем к свирепым своенам речь держать и выкуп им предложить. Жизни свои не жалеем ради жизни племени, – вещал Раганас. Он был превосходным оратором, и если бы не мелочность натуры и жадность души, он смог бы стать предводителем.

Жители провожали их как героев. Все знали, как жестоки и несговорчивы захватчики, они запросто могут зарубить парламентариев. Тут поднялся молодой воин Марис, сын авгура.

– Я с вами пойду, – сказал он полным решимости голосом.

Заговорщики переглянулись – такого поворота они не предполагали.

– Ты храбрый воин, но слишком молод, чтобы умирать, а мы уже свое отжили.

– Не пристало мне прятаться за чужими спинами. Умереть за свой народ – большая честь для меня.

Черноризцы собирались было отослать юношу, но горожане встали на его сторону.

– Слава! – зашумела толпа. – Слава отважному Марису!

Тут поднялся старый воин из племени ливнов, примкнувший к куршам при наступлении своенов. Он был последним воином, носившим щит Золотого Солнца. Толпа замолчала, чтобы выслушать почтенного горожанина.

– Отрадно видеть храбрость молодого поколения. Боги не дали мне сыновей, родились лишь дочери. Сам я уж слаб, не могу держать в руках оружие. Я вижу, ты, Марис, достоин носить звание рыцаря Золотого Солнца. Я готов сейчас же передать тебе щит нашего доблестного рода. Отважный юноша, подойди ко мне. Возьми этот щит, теперь он по праву принадлежит тебе. – С этими словами старый воин поднял своими жилистыми руками тяжелый золотой щит и передал его Марису.

– Благодарю тебя, почтеннейший воин. Обещаю тебе и всем вам, мои соплеменники, носить его с честью.

– Слава Марису! Слава рыцарю Золотого Солнца! – начала скандировать толпа, чувствуя нового рыцаря. – Слава! Слава!

Тем временем в лагере врага царило уныние. Бравата, с которой они шли вперед, опустошая земли куршей, растаяла вместе с силами и провиантом. Своены малодушно помышляли лишь о том, как вернуться назад: «Здесь нам не будет удачи, а корабли наши далеко». Когда они, приведенные в замешательство, уже совершенно не знали, что им делать, было решено выяснить посредством жребия, кто из их богов желает им помочь, дабы они либо победили, либо ушли отсюда живыми. И вот, бросив жребий, своены не смогли отыскать никого из богов, кто бы хотел оказать им помощь. Когда об этом было объявлено в народе, в лагере раздались громкие стоны и вопли; своены были подавлены, они говорили: «Что делать нам, несчастным? Боги отвернулись от нас, и никто из них нам не поможет. Куда нам деваться? Наши корабли далеко, и, когда мы побежим, враги, преследуя нас, всех истребят. На что нам остается надеяться?» И когда среди войска началась смута, один купец сказал: «Бог христиан очень часто помогает взывающим к нему, он – могущественнейший в подмоге. Узнаем же, желает ли он быть с нами, и пообещаем, что весьма охотно дадим угодные ему обеты». После всеобщей просьбы был брошен жребий, обнаруживший, что Христу угодно им помочь. После того как это было публично всем объявлено, все сердца вдруг укрепились, так что своены бесстрашно возжелали немедленно пойти на приступ города, говоря: «Чего нам теперь опасаться и чего бояться? С нами Христос! Так будем биться и мужественно бороться, и ничто и никто не сможет нам противостоять; не уйдет от нас эта победа, ибо нам помощником стал могущественнейший из богов». Воодушевленные своены бросились на завоевание города. Когда же они окружили город и хотели начать битву, на его стене появились фигуры парламентариев.

Благословленные горожанами четверо заговорщиков и сын авгура с золотым солнцем на щите впереди, размахивая куском белого полотна, выбрались на открытый участок городской стены. Тут же рядом с Марисом просвистело брошенное копье, но юноша даже не дрогнул. Он отважно окинул взором пространство внизу. А своенов осталось не так много, и они тоже изнемогают, отметил Марис.

Он стал спускаться вниз по крутой каменной лестнице, а черноризцы, приглядываясь к обстановке, остались наверху. Раганас хотел было бросить в спину юноши клинок, но решил повременить.

Баталии прекратились, отвага юноши, в одиночку идущего на верную гибель, вызывала уважение у противника. Марис спустился почти до земли, оставшись на ступени как на пьедестале. В полуметре от лестницы росла сочная трава, какой, казалось бы, нет внутри крепости. Здесь и небо выглядело синее, и деревья – выше. Он на мгновение представил, как совсем еще недавно валялся на траве вместе с отроками-ровесниками во время сенокоса. Тогда еще были живы его отец и братья, в них еще не вонзились вражеские копья. Марис представил, как очень скоро он сможет нырнуть лицом в траву, в последний раз вдохнув аромат ее свежести.

– Воины! Мир угоден нам больше, чем война, и мы желаем заключить с вами договор. Мы даем вам в залог мира то золото и оружие, которые мы получили в походах в прошлом. Затем за каждого человека, находящегося в городе, мы даем полфунта серебра и отдаем заложников.

Утомленные борьбой своены уже помышляли отступить ни с чем, и предложение куршей пришлось очень кстати. Однако нашлись и такие, которые, несмотря ни на что, жаждали битвы. Они верили в силу своего оружия и надеялись взять город, разграбить его, а жителей увести в плен. Они вновь стали бросать копья в Мариса, но его щит отражал удары.

Знатнейшие из своенов остановили нападавших, они настояли на более разумном решении и приняли условия осажденных. Взяв бесчисленные богатства и тридцать заложников, своены возвратились к себе. А отважного сына авгура стали почитать в городе как героя.

20 мая. Санкт-Петербург

Зинаида Соболева произвела на Тихомирова неоднозначное впечатление. Аристократка, которой он неровня. Она держалась корректно, но следователь в ее присутствии ощущал себя челядинцем. Подобное с ним прежде случилось лишь однажды, очень давно, когда он на последнем курсе института подрабатывал курьером на одной радиостанции. Как-то у них проходил день открытых дверей, когда на радиостанцию пускали народ с улицы. Дорвавшиеся до массмедиа и ошалевшие в связи с этим студенты, домохозяйки и просто оболтусы шатались по коридорам студии и тарасились через стекло на работу диджеев. Туда же были приглашены и звезды местного масштаба. То есть малоизвестные люди, но – приближенные к эстраде. Он, Ильяха Тихомиров, никого из них не знал, впрочем, это не являлось показателем его осведомленности, так как он вообще отечественной музыкой не интересовался. Толпа, прорвавшаяся на радиостанцию, жаждала приблизиться к знаменитостям, а приглашенные звезды ходили гоголями. Они подавали себя так, словно уже покорили Голливуд; в ожидании своих минуток эфира пили чай в гостиной и как бы случайно оказывались в коридоре, где их тут же обступал народ с блокнотами. Звезда останавливалась и не глядя писала всем одну и ту же фразу: «С любовью для...», далее следовал вопрос, не произносимый, а выражаемый легким кивком головы: «Имя?» Обладатель блокнота, запинаясь от волнения, называл свое имя, и оно появлялось в блокноте после слова «для», и далее на бумагу ложилась размашистая подпись знаменитости. Тихомиров не собирался получать автограф, случайно оказавшись в толпе, он машинально протянул звезде один из конвертов, который держал в руках и должен был доставить в банк. Конверт тут же затянуло в конвейер раздачи автографов. Илья сам не понял, как он попал под гипноз безразличного, незнакомого ему, вальяжного метросексуала. Позже, когда страсти улеглись и студия опустела, Тихомиров посмотрел на оскверненную корреспонденцию и разозлился на себя за то, что позволил себе попасть под этот массовый психоз. Но от неизвестной звезды Васи Хрякина, замаравшего своими каракулями конверт, исходила такая мощная волна уверенности и значимости, что перед ним хотелось трепетать, словно тот на самом деле что-то значил в жизни Ильи или принадлежал к высшей касте.

«А может, Соболева тоже, как и Хрякин, научилась подавать себя, а на самом деле – она такая же, как все?» – задался вопросом следователь. Даже если и так, даже если все это величие наигранно, все равно Зинаида его заинтриговала. Есть в ней нечто, что заставляет обращать на нее внимание, и это – не только ее привлекательная внешность. В ней чувствуется какая-то загадка, которую хочется разгадать, но – она так и не разгадывается. А ее возраст! Судя по паспорту, ей тридцать один, а внешне – двадцать три от силы. Хоть режь его, он не дал бы ей больше двадцати пяти! И ведь это не искусственная молодость, достигнутая косметическими ухищрениями, когда на лицо наносится слой тонального крема и превращает его в маску. В красивую, но маску. А у Зинаиды лицо свежее, как у юной девушки. И как ей это удается? Может, она знает секрет вечной молодости? Хотел бы он с ней пообщаться подольше и в другой обстановке! Нет, не по этому делу, он не кобель какой-нибудь и любит свою жену. Но просто пообщаться с интересным человеком – можно же! Но это все мечты, мечты. Не сегодня завтра Соболева уедет в свою Прибалтику, и их светская беседа в милом ресторанчике не состоится. Что же поделать, такова его незавидная следовательская участь – общаться с людьми в казенных кабинетах, в основном со всяким сбродом, или с отъявленными негодьями, или с потерпевшими, которые обычно погружены в печаль. А чтобы с утонченной, приятной глазу натурой – почти никогда.

Зина. 80-е годы. Прибалтика

Зина всегда выглядела моложе своих лет и стеснялась своего возраста уже с первого класса. В детском саду для нее места не нашлось, поэтому ее воспитывали по очереди то бабушка, то ее подруга, тетя Регина. До своих неполных семи лет Зиночка лепила куличики в песочнице. Девочка играла с дворовой ребятней, ничуть не задумываясь о том, что она может быть чем-то хуже других детей. Разве что она не живет с родителями, как все, но зато у нее есть самая лучшая в мире бабушка, Алевтина Наумовна. Они с бабушкой хоть и не ездят, как другие, летом в Крым или в Москву, но зато часто бывают в городском парке, катаются на каруселях, и у тети Регины, в Гируляе, а иногда, в хорошую погоду, выезжают на залив. А еще ее бабушка шьет из старых вещей и лоскутов обновки. При этом такие юбочки и платица у нее получаются, каких ни у кого в их дворе нет.

И вот подошло к концу ее седьмое лето, и бабушка повела ее в магазин, чтобы купить коричневое платье, белые гольфы, банты, альбом, краски и тетради. Это называлось – подготовиться к школе.

Школьная форма Зине оказалась велика, ее размера не нашлось ни в одном магазине.

– Куда уж меньше? – удивленно заметила продавщица. – Это и так самый маленький. Школьная форма рассчитана на нормально развитых детей семи лет. Вашей сколько?

– Моя девочка развивается нормально! – отрезала Алевтина Наумовна. – Давайте вот это, раз меньше нет. Ну-ка, Зинаида, встань прямо, – приложила она коричневое платье к узкой Зининой спинке. – Ну, ничего. Немного подошьем, и в самый раз будет.

Бабушка была скоро на руку, она проворно подогнула подол и сделала складку на рукавах, чтобы платье получилось на вырост, и уже вечером Зина стояла в подогнанной по ее теще-душной фигурке школьной форме.

– Ну что, нравится? – самодовольно спросила бабушка, любуясь своей работой.

Зина засмушалась. Она впервые посмотрела на себя в зеркало – не как раньше, поверхностно, – а по-другому, внимательно, даже оценивая. Из зеркала на нее смотрела тощая, как щепка, девчушка с толстыми рыжими косами, крупным ртом и удивленно распахнутыми глазами цвета осенней травы. Зина раньше никогда не замечала ни рыжины своих волос, ни пронзительности глаз, ни яркости губ. Раньше она смотрелась в зеркало только для того, чтобы убедиться, что лицо у нее чистое и банты не развязались. Вернее, она делала вид, что смотрит, когда бабушка, всплеснув руками, говорила: «На кого ты похожа, чудо в перьях?! Да взгляни на себя в зеркало!»

Поступление в школу означало новую ступеньку в жизни Зины, и школьная форма обязывала соответствовать этому статусу, ее строгий темно-коричневый цвет с белыми, в два ряда, пуговицами, белым атласным воротником и манжетами организовывал и словно говорил: все, детство закончилось, теперь ты – ученица. От понимания этого ей становилось радостно, волнуяще и чуточку страшно. Зина с нетерпением ждала первого сентября, до которого оставалось меньше недели.

Банты, шары, цветы, нарядные мамы, немного растерянные папы, бабушки, дедушки, тети, дяди... В школьном дворе звучала задорная «детская» музыка, под которую шло построение на линейку. Первоклашек поставили в центре, напротив трибуны со школьным руководством. Зина из-за своего маленького роста оказалась в первом ряду, за ней стояли ребята из ее класса, те, что были повыше. Она смотрела по сторонам, хлопая сияющими глазенками, – все было необычным и новым: толпа детей и взрослых, море цветов, с их умопомрачительным запахом праздника, напутственные речи... Зина, как она потом вспоминала, ничью торжественную речь впоследствии в своей жизни так внимательно не слушала, как речь директрисы, во многом непонятную, но – до замиранья сердца! – проникновенную. Наибольшее

впечатление на нее произвел первый школьный звонок, а точнее, большой красивый колокольчик с синей ленточкой, в который бойко звонила нарядная девочка Зининого возраста. Зина смотрела на колокольчик, и ей очень хотелось самой взять его в руки и так же, как эта девочка, пройтись с ним по школьному двору. «Почему в него звоню не я?» – с досадой думала Зина. Это стало ее первым школьным разочарованием. Второе разочарование последовало незамедлительно – кто-то сзади дернул ее за бант и развязал его.

– Ну, вообще! – возмутилась Зина, оглянувшись. За ее спиной стоял Димка – задиристый белообрый мальчишка из ее двора. Она думала, что Димка старше ее минимум года на два. Неужели они будут учиться вместе?

Не прошло и минуты, как второй Зинин бант тоже был развязан.

Девочка чуть не заплакала – ей так нравились ее огромные банты, которые утром красиво завязала бабушка, а этот Димка взял и все испортил! И вдобавок еще и дразнится! Тогда она еще не могла представить масштаба беды, свалившейся на нее в образе соседа по двору.

– Малявка, малявка! Она, как ясельная, в дочки-матери играет! На лужайку с покрывалом выходит и кукол нянчит. Позор! – сообщил Димка своим новым приятелям-одноклассникам.

– Малявка! – повторил за ним писклявый мальчик в очках и загоготал.

Зина и в самом деле оказалась ростом ниже всех. Когда начались занятия, на первом же уроке, увидев ее, учительница умиленно ахнула:

– Какая маленькая девочка к нам пришла! – и посадила Зину за первую парту вместе с тем самым очкариком, который вместе с Димкой дразнил ее на линейке, – Темой Коржиным. А ей хотелось забраться за последнюю или хотя бы за третью, чтобы видеть класс, а не только доску перед своим носом.

И, конечно же, в шеренге на физкультуре Зина стояла замыкающей. И не только на физкультуре. Оказалось, что любимое занятие учителей – постоянно их строить: если куда-нибудь предстояло идти – в столовую ли или в актовый зал, – раздавалась команда: «Строимся!»

Строились они парами. Сначала их первому классу разбивка на пары не давалась – все галдели, толкались, спорили... Тогда их выстроили в шеренгу по росту, рассчитали на первый-второй и сформировали пары. Зине, как замыкающей и нечетной, пары не досталось.

– Пойдешь со мной, – решила вопрос учительница, тем самым превратив Зину в вечную одиночку.

Многие так и стали дружить – каждый со своей парой. Не то чтобы с Зиной никто не дружил – с ней общались, но не очень охотно. Она была девочкой, не привыкшей к большому коллективу, и поэтому поначалу терялась, а как себя с самого начала зарекомендуешь, так к тебе и будут относиться в дальнейшем. Ей бы в свой привычный круг – в компанию дворовой малышни, там она чувствовала себя в своей тарелке, знала, о чем говорить, и в играх бывала на ведущих ролях. А в школе образовались свои лидеры, со своим окружением, в которых ей, Зине, осталось место в пятом ряду. Да еще и эти мальчишки постоянно к ней цеплялись! Больше всех задирался Димка, Темка ему подпевал, и, наблюдая все это, подключались и остальные. На переменах она пряталась от них на другом этаже, слоняясь там в одиночку. Димку посадили за четвертую парту, но и оттуда он умудрялся ее беспокоить. Они с Темкой спелись: на уроке Темка сидел справа от нее и толкал локтем ее руку, когда она писала. Или черкал в ее тетрадке, когда Зина выходила к доске. Темка смелостью не отличался, поэтому пакостил исподтишка. Мальчишки постоянно у нее что-нибудь забирали и передавали по рядам: то портфель отнимут, то ластик, а то и обувь с нее снимут. К их развлечениям подключались другие дети. Эта игра всех забавляла: девочка сидит в одной туфле, а вторая туфелька бродит по классу, пока не угодит куда-нибудь на шкаф или в мусорное ведро. Учительница, крашенная, с вечно недовольным лицом, как будто ничего не видела и прозревала, лишь когда в классе становилось слишком шумно.

– Тааак! Что тут происходит? Ну-ка, все замолчали и внимание на доску! – строго сказала она, не обращая внимания на тянущую руку Зину во время инцидента с туфлей.

– Соболева, чего тебе? – спросила учительница минут через десять.

– Можно пройти в конец класса?

– Зачем?

– Там моя туфля.

– Какая туфля? Сядь и успокойся. Своим гардеробом займешься на перемене!

Зина села, опустив голову. Девочка знала, что на перемене туфли на полке уже не будет, ее, как футбольный мяч, будут гонять по коридору. Но всего этого учительнице не объяснить. Потому что, во-первых, она не любит ябед и никогда не слушает ничьи жалобы, а во-вторых, очень тяжело говорить, когда тебя душит обида и вот-вот покатятся из глаз наворачнувшиеся слезы.

Как Зина ни старалась их удержать, а две тяжелые капли одна за другой упали на парту.

– Уже ревет! – радостно зашептал Темка, обернувшись назад.

– Коржин! Повернись! На всех уроках я вижу только твой затылок.

Тема обернулся и сделал ангельское лицо. Несмотря на неподобающее поведение, Ирина Борисовна его любила и была к нему снисходительна. Наверное, из-за того, что ей нравились вот такие маленькие кудрявые очкарики или из-за того, что Коржин напоминал ей несостоявшуюся любовь – такого же румяного пупсика из соседнего двора, но на тридцать лет старше Темки.

До конца урока оставалось двадцать минут, которые Зина просидела, уткнувшись взглядом в открытую тетрадь. Учительница что-то рассказывала, но девочка ее не слышала, как не слышала и насмешек за своей спиной.

Как только прозвенел звонок, Димка стремглав бросился к шкафу за красной девичьей туфлей.

– Полтинников! – остановила его Ирина Борисовна. – Урок еще не закончился. Сядь на место! Записываем домашнее задание.

На перемене, как и ожидалось, Зинина туфелька летала по покрытому линолеумом коридору, как безумная птица. Мальчишки с воплями «Сифа!» ее пинали, стараясь в кого-нибудь попасть, девочки с визгами разбежались, когда к их группкам приближалась Зинина туфля, словно та была и в самом деле поражена заразным вирусом «сифы». Все смеялись и веселились, кроме Зины. Но полного удовольствия ее одноклассники все же не получили. Чтобы игра удалась на все сто, Зина должна была скакать на одной ножке и, как собачонка, выпрашивать свою туфлю и, в конце концов расплакаться. Вместо этого девочка стояла одна в конце коридора около подоконника, как цапля, поджав одну ногу. «Сифа! Сифа!» – долетали до нее выкрики ребят. Зина знала, что это обидное слова относится к ее вещи, а значит, и к ней, знала, что ее туфлю сейчас пинают. Эти туфли ей привезла из Польши тетя Регина, и они ей так нравились своим нарядным красным цветом, маленьким каблучком и лентами, завязывающимися на лодыжке, как у балерины. Получив их, девочка не могла на них налюбоваться, весь день ходила в них по квартире, потом, сняв, бережно протерла и на ночь поставила рядом со своей кроватью. Тогда она не представляла, что ждет ее восхитительные туфельки из Польши! Сейчас Зине не было ни до чего дела, она ждала лишь звонка, чтобы вернуться в класс, а потом стала ждать следующего звонка и еще следующих двух, после которых можно будет уйти домой и укрыться там от враждебной школы.

Прозвенел звонок, извещая ребят о начале урока математики. За одну перемену дети не наигрались. Туфля была спрятана до следующей перемены. К огромному сожалению одноклассников, на математике Зину к доске не вызывали, а все так мечтали увидеть, как она стоит у доски в одной туфле! И вообще, к доске не вызвали никого, потому что они писали самостоятельную работу. Зина смотрела на примеры и с трудом соображала, как их решать. В голове

ее была лишь одна мысль: скорей бы домой! Но впереди был еще один урок – противный урок музыки, который вела не их строгая Ирина Борисовна, а добренькая Нина Алексеевна. Нину Алексеевну никто не слушался, и поэтому ее уроки напоминали балаган. Все кричали, бегали по классу, бросали друг в друга вещи и, конечно же, издевались над Зиной. А над кем же еще издеваться? Она самая маленькая и не может дать отпор – никто ее этому не научил. На прошлом уроке музыки, когда Тема швырнул в нее тряпкой, она не выдержала и бросила тряпку ему обратно, да так метко, что с того слетели очки. Тема на минуту оторопел, соображая, как поступить дальше: получить тряпкой в лицо – это же неслыханное оскорбление, и от кого? От нее, низшего сословия, всеми презираемой девчонки, которая и права не имеет учиться с ними в одном классе!

Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы в тот момент не открылась дверь и в класс не заглянула завуч. Она окинула взглядом бесновавшихся учеников и остановила свои строгие глаза на безмятежно раздававшей нотные листы учительнице.

– Нина Алексеевна, очень шумно, – тихо произнесла она, выдержала паузу и скрылась за дверью.

В классе сразу же воцарилась тишина. Никто больше не кричал и не бегал, дети, почувствовав власть, присмирели.

– Вот видите, вас даже в кабинете завуча слышно. Разве так можно?

Эффекта от явления завуча хватило ненадолго. Уже через десять минут в классе вновь стоял кавардак. Зину то и дело дергали за косы, толкали в спину и кололи шариковой ручкой. Теряя терпение, она оборачивалась, чтобы дать сдачи, но от нее только этого и ждали. Обидчики понимали, что их много и они сильнее, а поэтому им ничего не грозит. Совсем. Те слабые удары, которые девочке все-таки удавалось им нанести, были им все равно что слону дробина. Зина это тоже понимала, и от этого ей было обидно вдвойне. В такие минуты она представляла себя в большом прозрачном куполе, сквозь который никто не сможет к ней прикоснуться и ничего ей не скажет, в ее куполе всегда тепло и уютно, в нем порхают бабочки и цветут красивые яркие цветы. А еще Зина мечтала поскорее окончить школу, чтобы навсегда прекратился связанный с нею кошмар.

20 мая. Санкт-Петербург

– Федька, мать твою! Сколько можно бузить?! Еще одна жалоба от соседей – и ты меня знаешь, упрячу далеко и надолго, – пригрозил участковый.

Этот дом на Корпусной улице был головной болью Виктора Абакумова. Участок в целом ему достался спокойный: Петроградская сторона, новые элитные дома, отремонтированные старые, с расселенными коммуналками... К сожалению, дома отремонтировали не все, остались еще развалюхи, вроде этого, с соответствующим контингентом жильцов.

– Я ниже травы! Это все Манька, стервь! Из-за паршивого будильника трагедию развела, – икнул Федька – огромный, похожий на сутулого медведя мужик с испитым лицом. – Иди, говорит, кому продал, у того взад и забирай. Ну и как я, спрашивается, ей будильник взад заберу, если я его около метро толкнул? И денег уже нетути. Закончились деньги. Сама же чекушку приговорила. Не маленькая, понимать должна, что не с неба она упала. На хрена он вообще ей дался этот будильник, которому сто лет в обед?! Баба – она и есть баба, ей лишь бы поскандалить. И не заткнешь ведь ее! Вот я за молоток и взялся. Да не собирался я убивать эту дуру. Припугнуть хотел малость, чтобы она варежку захлопнула. Так эта малахольная на лестницу рванула и там хай подняла. Убивают ее, видите ли! Да кому эта истеричка нужна!

– Поговори мне еще, пьянь! А то сейчас как вмажу! – подала голос Маня – Федькина жена, сухопарая, похожая на постаревшего подростка женщина.

– Тихо! – цыкнул Абакумов. – Чтобы я этого больше не слышал, иначе оба у меня сядете.

– Да что ты, Витя? Мы же по-семейному, милые бранятся... – попыталась прикинуться ромашкой Маня.

– Я вам побранюсь! Вы у меня со своей бранью уже в печенках сидите! Ладно, пойду. Устал я по домам ходить, – добавил участковый. Он встал с ободранного деревянного табурета и побрел по длинному грязному коридору в направлении выхода. На свою квартиру хозяева давно наплевали, никогда не делали в ней ремонт и не приобретали новых вещей, разве что иногда Маня махала веником, гоняя грязь по полу.

Виктор машинально повернул голову в сторону комнаты, заглядывая в дверной проем. На обшарпанной стене висела картина. Слегка помятая, она ярким пятном выделялась среди убогого интерьера.

– А это откуда? – поинтересовался участковый, войдя в комнату. Он внимательно осмотрел новоявленное украшение интерьера.

– Ну так... На рынке купила! – нашлась женщина.

– И дорого заплатила?

– По дешевке взяла. Иду вдоль ларьков, смотрю, картину продают. Цена бросовая – почему бы не взять?

– Действительно, почему? Ты мне мозги не пудри! – разозлился Абакумов. – Говори, у кого картину сперла!

– На помойке подобрала, – потупила взор Маня. – Пошла мусор выносить, заглянула в контейнер, а там эта красота. Я и взяла. Ее же выбросили, она же ничейная!

О том, что на соседней улице убили художника, Абакумов знал, ибо был привлечен к поквартирному обходу, и о пропавшей картине он тоже слышал. В уголке найденной им у Мани картины стоял автограф – латинские буквы «Ms», и это давало основание предполагать, что данная картина – работа Малуниса.

* * *

– По описанию вполне похоже, что это и есть то самое «Солнце в реке», – разглядывал раздобытую участковым картину Тихомиров.

Экспрессивные краски, раскидистые сосны на высоком речном берегу, в блестящей воде – диск в виде солнца, с чертами человеческого лица и лучами-космами.

– Надо, чтобы Соболева подтвердила, что это и есть та самая картина. Она ведь ее видела у художника.

– Соболева уже уехала, – сказал Юрасов.

– Да? Быстро она! Ну, тогда в Манеже надо спросить. Малунис эту картину заявлял для участия в выставке, может, кто из организаторов ее и вспомнит. Непонятно только, зачем понадобилось убивать художника, забирать у него картину и тут же выбрасывать ее в мусорный бачок?

Юрасов пожал плечами – логику преступника он, как и следователь, объяснить не мог.

В Манеже «Солнце в реке» сразу узнали.

– Точно! Это та самая картина, – подтвердил администратор, сам в прошлом художник. – Я ее хорошо запомнил, потому что она фигурировала в анонсе выставки. Мы заказали рекламный ролик на ТВ. Всего три дня он был в ротации, а результат потрясающий – в этом году у нас было гораздо больше посетителей, чем в предыдущие.

Миша Костров, как только увидел найденную картину Малуниса, сразу сообразил, что убийства Майи Валенковой и художника между собой связаны. Оперативник не поленился и еще раз наведлся к следователю, который вел расследование убийства Майи, чтобы посмотреть материалы дела. На фото, где была запечатлена погибшая, имелась одна важная деталь, которой ни старый сыскной волк Пылаев, ни эксперты особого значения не придали, а она весьма красноречиво указывала на связь обоих убийств.

Начало апреля. Санкт-Петербург

Майя любила весну и начинала ее «приближать» мысленно еще зимой, когда город крепко держат морозы в своем колючем кольце. Горожане кутались в теплые вещи, носили толстые вязаные шарфы, свитера, брюки, глухие деревенские шапки и варежки. Перемещались они перебежками – от дома до автомобиля, а если он не заводился из-за холодов или у кого-то его вовсе не было, не задерживаясь ни на минуту, бежали к метро. Майя надевала тонкие чулки и шелковое платье, на плечи набрасывала черную норковую шубу. Не признавала шапок – они скрывали гриву ее каштановых, мелко завитых волос. От Майи пахло туманом, летним лугом, морем или дождем – в зависимости от выбранного ею эфирного масла, – она звенела браслетами и томно поправляла непослушные кудри. Вся такая знойная, в распахнутой шубе, она выходила из своего «Рено Логан» и, игнорируя падавшие на ее лицо хлопья снега, флировала по проспекту и исчезала в дверях какого-нибудь бутика. Иной раз Майя специально задерживалась на улице, чтобы немного померзнуть. Ей нравилось стоять под холодным ветром и чувствовать, как леденеют руки без перчаток и облаченные в капрон колени. Мерзнуть приятно, когда знаешь, что через минуту можно оказаться в теплой машине или в кафе и там «оттаивать» за чашкой горячего кофе. От этого кофе казался вкуснее. Она натягивала рукава до середины пальцев и грела руки о чашку. Если бы Майе приходилось стоять зимой на автобусной остановке после тяжелого трудового дня, вряд ли она стала бы специально мерзнуть. Но сия участь ее миновала – ей не надо было, как большинству граждан, ежедневно по восемь часов проводить на работе и добираться на нее общественным транспортом.

Еще она любила в марте, когда за окном лежали сугробы и погода пока еще оставалась зимней, по утрам сервировать к завтраку маленький откидной столик на своей плохо отапливаемой лоджии, и там, отчаянно не обращая внимания на холодрыгу, она церемонно потягивала из антикварной чашечки кофе с имбирем. Тело ее дрожало под павловопосадским платком, длинные пальцы в перстнях замерзли, но она стойко продолжала соблюдать этот ритуал. Потому что это красиво и стильно, а рядом теплая комната, стоит только сделать шаг за стеклянную дверь. Она пила утренний кофе в лоджии и представляла, как расскажет об этом действе знакомым и не очень знакомым людям. Они будут слушать ее и отметят про себя, какая она утонченная и неординарная личность, какая у нее интересная и необычная жизнь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.